АНТОНИО ПИГАФЕТТА

ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА

IL PRIMO VIAGGIO INTORNO AL GLOBO DI ANTONIO PIGAFETTA

Его сиятельству и превосходительству синьору Филиппу де Вилье Лиль Адану [1], именитому магистру родосского ордена, достойнейшему синьору моему,

от патриция из Виченцы, рыцаря ордена родосского Антонио Пигафетты.

Сиятельный и превосходительный синьор!

На свете немало любознательных людей, которые не только не удовольствуются тем, что узнают и услышат о великих и удивительных вещах, которые Господь Бог сподобил меня перевидать и претерпеть в долгом и опасном плавании, ниже мною описанном, но также пожелают узнать, какими средствами, способами и путями пользовался я, совершая это плавание, и не придадут полной веры его успешному завершению, пока им не будет доподлинно известно, каково было его начало. Ввиду этого да будет ведомо Вам, сиятельный синьор, что в бытность мою в Испании в 1519 году от Рождества Нашего Спасителя при дворе светлейшего короля римлян [2] в составе свиты достопочтенного монсеньора Франческо Кьерикати [3], апостолического протонотария и нунция блаженной памяти папы Льва X, возведенного впоследствии в сан епископа Алрутинского и принца Терамского, узнав до того из многих книг, мною прочитанных, а также из рассказов разных особ, беседовавших с Вами, мой господин, о великих и удивительных явлениях на Море-Океане, я решил, пользуясь благоволением его кесаревского величества, а также и вышеупомянутого господина моего, испытать сам и повидать

все это собственными глазами, дабы в некоторой мере удовлетворить свою любознательность, равно как и для того, чтобы снискать себе некую славу в далеком потомстве. Услыхав, что в городе Севилье снаряжен с этой целью флот в составе пяти кораблей для добычи пряностей на Молуккских островах под начальством капитан-генерала Фернана ди Магальянша [Магеллана], португальского дворянина, командора ордена св. Иакова Меченосца [4], многократно пересекавшего в различных направлениях Океан и снискавшего себе этим великую славу, я отправился туда из города Барселоны, где в это время пребывало его величество, везя с собой много благожелательных писем. Я отплыл на корабле в Малагу, а оттуда сушей прибыл в Севилью. **[41]** Целых три месяца я провел в Севилье в ожидании, пока упомянутый флот готовился к плаванию, и, когда наконец наступил срок отправления, путешествие началось при чрезвычайно счастливых предзнаменованиях, в чем, превосходительнейший мой господин, Вы убедитесь из дальнейшего. А так как в бытность мою в Италии для свидания с его святейшеством папой Климентом [5] Вы были столь милостивы, благосклонны и благожелательны ко мне при встрече в Монте-Розо и заявили мне, что Вам доставило бы большое удовольствие, если бы я составил для Вас описание всего того, что увижу и претерплю во время моего путешествия, то, хотя у меня представлялось к тому мало удобств, я все же постарался удовлетворить Ваше желание, насколько мне это позволяло мое скудоумие. В соответствии с этим в сей маленькой книжке, мною написанной, я преподношу Вам описание всех моих бдений, трудностей и странствований и прошу Вас, как бы Вы ни были заняты непрерывными заботами о родосском ордене, соблаговолить бегло просмотреть ее, чем Вы, светлейший мой господин, немало вознаградите меня, вверяющего себя Вашей благосклонности.

Решив совершить столь длительное плавание по Океану, на котором повсеместно свирепствуют неистовые ветры и сильные бури, и не желая в то же время, чтобы кто-нибудь из его экипажа знал о его намерениях в этом предприятии, дабы их не могла смутить мысль о свершении столь великого и необыкновенного деяния, которое он готовился осуществить с помощью Господа Бога (сопровождавшие его капитаны испытывали к нему чрезвычайно сильную неприязнь, неизвестно по какой причине, если только не оттого, что он был португальцем, а все они были испанцы), наряду с желанием выполнить клятвенное обещание, данное им императору дону Карлу, королю Испании, он предписал нижеследующие правила и преподал их кормчим и боцманам своих кораблей с той целью, чтобы корабли не отделялись друг от друга во время бурь и в ночную пору. Он должен был все время идти впереди Других кораблей в ночное время, они же следовать за ним, причем на его корабле будет гореть большой смоляной факел, называемый «фаролем». Этот фароль будет находиться на корме его корабля и служить для других кораблей знаком, чтобы они следовали за ним. Другой световой сигнал — при помощи фонаря или фитиля, сделанного из камыша и носящего название «веревки из эспарто» [6], хорошенько вымоченного в воде и затем высушенного на солнце или прокопченного в дыму, — превосходный материал для этой цели. Другие корабли **[42]** должны давать ответные сигналы таким образом, чтобы он мог всегда знать, двигаются ли все корабли вместе. Если за фаролем будут гореть два световых сигнала, то корабли должны менять направление или поворачивать на другой галс, по той ли причине, что ветер неблагоприятен или не подходит для плавания по взятому курсу, или когда он желал идти медленнее. Когда он давал три световых сигнала, они должны были убирать лисель, каковой представляет собой часть снастей, находящуюся под грот-мачтой и прикрепленную к ней при хорошей погоде, чтобы лучше

придерживаться ветра; он убирается затем, чтобы возможно было с большей легкостью опустить грот-мачту тогда, когда внезапный шквал начинает сильно трепать корабль. Когда на корме у него показывались четыре световых сигнала, то это означало, что на кораблях должны немедленно убрать все паруса, а затем он давал один световой сигнал, показывая этим, что его корабль остановился. Если показывалось еще больше световых сигналов или стреляли из пушки, то это означало близость земли или мелей. Четыре сигнала зажигались, когда он хотел, чтобы корабли шли на всех парусах в его кильватере, руководствуясь факелом, горящим на корме. Когда нужно было поднять лисель, он зажигал три света. Когда он менял курс, он показывал два света, а чтобы удостовериться в том, что все корабли следуют за ним и что они идут вместе, он показывал один сигнал, и каждый из кораблей в ответ делал то же самое. По ночам назначались три вахты: первая — с наступлением ночи, вторая, называемая средней, полуночной, — в полночь, а третья — к концу ночи. Экипаж кораблей был разделен на три части: над первой начальствовал капитан или боцман, они сменяли один другого ночью; начальником второй был либо кормчий, либо помощник боцмана; начальником третьей — боцман. Капитан-генерал требовал неуклонного соблюдения правил о сигналах и вахтах всеми кораблями, дабы тем обеспечить наиболее благоприятные условия для плавания.

В понедельник утром 10 августа, в день св. Лаврентия, упомянутого уже года флот, снабженный всем необходимым для морского путешествия [7] и имея на борту разных людей, числом всего двести тридцать семь [8], готовился покинуть севильский порт. Дав залп из многих орудий, поставили фок-стаг по ветру и спустились вниз по Бетису, ныне называемому Гвадалквивиром, и миновали Хуан д'Альфаракс, некогда обширное поселение «мавров» [9], посреди которого находился мост, пересекавший эту реку и ведший в Севилью. До

нынешнего дня еще сохранились под водой два устоя этого моста, и, **[43]** когда суда проходят в этом месте, приходится прибегать к помощи людей, отлично знающих расположение устоев, дабы суда не ударились о них. Лучше всего проходить эти места во время полноводья, бывающего при приливах. То же самое относится ко многим другим поселениям вдоль этой реки, около которых река недостаточно глубока для прохода судов с грузом, да и самый проход не очень широк. Затем корабли прошли мимо другого поселения, Кория-дель-Рио, а также многих других, пока не достигли замка герцога Медина Сидонья, называемого Сан-Лукар [10] и являющегося гаванью и выходом в Море-Океан. Он находится в юго-западном направлении к мысу Сан-Висенти, который лежит на 37° широты и на расстоянии 10 лиг [11] от этого порта. А от Севильи до этого пункта [Сан-Лукара] 17 или 20 лиг по реке. Тут мы пробыли немало дней для окончания работ по снаряжению флота всем необходимым. Ежедневно отправлялись мы на берег служить мессу в селении Баррамедская Богоматерь, неподалеку от Сан-Лукара. Перед отплытием капитан-генерал пожелал, чтобы все мы исповедались. Он распорядился не допустить на эскадру ни одной женщины ввиду важности предприятия.

Во вторник 20 сентября того же года мы оставили Сан-Лукар и взяли курс на юго-запад. 26-го того же месяца мы прибыли к острову Тенерифе, что лежит на 28° широты, и сделали тут остановку, чтобы запастись мясом, водой и дровами. Мы простояли тут три с половиною дня, запасаясь всем вышесказанным. Затем мы пришли в порт Монте-Розо за смолой и простояли там два дня. Да будет ведомо Вашему именитству, что среди Канарских островов есть один, на котором нет ни одного источника воды, но где в полдень с неба сходит облако, которое окутывает растущее на этом острове дерево, после чего из его листьев и ветвей сочится большое количество воды. У подножия этого дерева находится ров,

напоминающий своим видом ключ, и в него стекает вся эта вода, и только этой водой, и никакой другой, утоляют жажду обитающие тут люди, домашние и дикие животные [12].

В понедельник 3 октября, в полночь, мы плыли на всех парусах на юг и вступили в открытый Океан, пройдя между Зеленым мысом и примыкающими к нему островами, расположенными на 14°30' широты. Таким образом мы шли много дней вдоль берегов Гвинеи или Эфиопии, где находится гора под названием Сьерра-Леоне, расположенная на 8° широты, Испытывая и противные ветры, и штили, и дожди без ветра, пока не достигли экватора, причем в течение шестидесяти дней беспрерывно лил дождь. Вопреки мнению древних [13], до **[44]** того, как мы достигли этой линии на 14° широты, мы выдержали много яростных шквалов и течение шло против кормы. Так как не было возможности двигаться вперед, то во избежание кораблекрушения паруса убирали, и таким-то образом нас носило то туда, то сюда все время, пока продолжалась буря, — так яростна была она. При дожде ветер стихал. С появлением солнца наступало затишье. Какие-то большие рыбы, называемые акулами, подплывали к кораблям. У них страшные зубы, и как только им попадается человек, они пожирают его. Мы выловили много рыб при помощи железных крюков, но они непригодны для еды; размерами поменьше лучше, но точно так же не годятся для этой цели. Во время этих бурь нам не раз являлось светлое тело, т. е. св. Эльм, в пламени [14], а в одну очень темную ночь он показался на грот-мачте, пылая точно ярко горящий факел, где и оставался в продолжение двух с лишним часов, принося нам отраду, так как все мы проливали слезы. Когда этот благословенный свет погас, столь яркой была его последняя вспышка, что она поразила наше зрение, и все мы больше чем одну восьмую часа не могли видеть ничего и молили, чтобы сжалились над нами. Но как раз тогда, когда мы считали себя на краю гибели, море внезапно успокоилось.

Я видел много разнообразных родов птиц, в том числе таких, которые вовсе не имеют гузки; были и другие, у которых самка, собираясь класть яйца, делает это на спине самца и там же высиживает их. У этой птицы нет ног, и она постоянно живет на море. Видел я и такую птицу, которая питается пометом других птиц и, кроме этой, никакой иной пищи не принимает. Я часто наблюдал, как эта птица, называемая «кагасела» [15], летала вслед за другой до тех пор, пока последняя не выпускала помета, который первая немедленно же подхватывала, после чего оставляла преследуемую в покое. Я видел летающих рыб и много других рыб, собравшихся вместе, так что они напоминали собою целый остров.

Миновав экватор и направляясь на юг, мы потеряли из виду Полярную звезду, затем, идя по курсу юго-юго-запад, пришли в страну, именуемую страной Верзин [16], расположенную на 20°30' широты в направлении к Южному полюсу. Эта страна тянется на пространстве от мыса Св. Августина, лежащего на 8° той же широты. Там мы сделали обильный запас кур, пататов, множества сладких ананасов — воистину самый вкусный плод, который только можно найти на земле, мяса «анта» [17], напоминающего по вкусу говядину, сахарного тростника и бесчисленного множества другого продовольствия, которого не перечисляю, дабы не быть докучным. Здесь нам давали за **[45]** один рыболовный крючок пять или шесть кур, за гребенку — пару гусей, за зеркало или пару ножниц — столько рыбы, сколько хватило бы на прокормление десятка людей, за погремушку или кожаный шнурок — целую корзину пататов. Пататы вкусом напоминают каштаны, величиной они с репу. За короля в игральных картах давали мне шесть кур и при этом считали, что надули меня.

В этот порт мы вступили в день св. Люсии, солнце стояло в зените, и как в этот, так и в последующие дни, в которые

солнце все время оставалось в зените, мы страдали от жары гораздо сильнее, чем когда находились на экваторе [18].

Страна Верзин и размерами своими, и богатствами больше, чем Испания, Франция и Италия, вместе взятые, она принадлежит королю Португалии. Здешний народ — нехристиане и ничему не поклоняются. Они живут сообразно с велениями природы и достигают возраста 125 — 140 лет. Как мужчины, так и женщины ходят нагие. Они живут в продолговатых домах, называемых «бойи», и спят в хлопчатобумажных сетках «амаке», привязываемых внутри этих домов концами к толстым брусьям. Под этими сетками на полу разложен очаг. В каждом из бойи помещается по сотне мужчин с женами и детьми [19], отчего стоит большой шум. У них есть лодки, каноэ, выдолбленные из одного громадного дерева при помощи каменных топоров. Так как у местных жителей нет железа, то они пользуются камнем так же, как мы пользуемся железом. В подобного рода лодке помещается от 30 до 40 человек. Гребут веслами, напоминающими ухваты; черные, нагие, остриженные наголо, они походят во время гребли на гребцов на стиксовом болоте. Мужчины и женщины такого же сложения, как и мы. Они едят мясо своих врагов, и не потому, чтобы оно было вкусное, а таков уж установившийся обычай. Обычай этот, общий для всех, возник благодаря одной старой женщине, у которой единственный сын был убит врагами. По прошествии нескольких дней друзья старой женщины взяли в плен одного из тех, что убили ее сына, и привели его в то место, где она находилась. Увидев его и вспомнив сына, она накинулась на него, как разъяренная сука, и укусила в плечо. Вскоре пленнику удалось бежать к своим соплеменникам, которым он рассказал, что его пытались съесть, и при этом показал знаки укуса на своем плече. После этого, как только они брали в плен кого-нибудь из врагов, они съедали его, и точно так же поступали с ними их враги. Вот каким образом

возник подобный обычай. Они не съедают труп целиком, но каждый отрезает по кусочку и уносит его домой, где и коптит [46] его. Затем каждую неделю он отрезает небольшой прокопченный кусочек и съедает вместе с другой пищей, чтобы помнить о своих врагах. Все это рассказал мне кормчий Жуан Каваджо [20], ехавший с нами и проживший в этой стране четыре года.

Туземцы разрисовывают тело и лицо удивительным способом при помощи огня на всевозможные лады; то же делают и женщины. Мужчины обриты наголо, бород у них нет: волосы они выщипывают. Одеты они в платье из перьев попугая, у пояса же они носят круг из самых больших перьев — вид прямо-таки уморительный. Почти у всех, за исключением женщин и детей, в нижней губе проткнуты три отверстия, с которых свисают круглые камушки длиною около пальца. Цвет кожи у них не черный, а желтоватый. Срамные части ничем не прикрыты, все тело лишено волос, и тем не менее и мужчины и женщины ходят всегда нагие. Своего повелителя они называют «касик».

Тут водится бесчисленное множество попугаев; нам давали в обмен на одно зеркало восемь штук. Водятся и маленькие обезьянки, похожие на львов, но желтого цвета и очень красивые. Туземцы пекут круглый белый хлеб из мякоти, находящейся между древесиной и корою и напоминающей собою заквашенное молоко [21]; он не очень хорош на вкус. Тут водится свинья с пупком на спине [22], а также большие птицы без языка, но с клювами наподобие ложек [23].

За один топор или большой нож мужчины отдавали нам в рабыни одну или двух своих дочерей, но жен своих они отказывались давать в обмен на что бы то ни было. Да и сами жены ни за что на свете не позволяют себе вести себя постыдно по отношению к мужьям, и, как нам передавали, они дают согласие своим мужьям только ночью, а не днем.

Женщины обрабатывают поля, они носят пищу с гор в корзинах или коробах прямо на голове или прикрепленными к голове. Но их постоянно сопровождают мужья, вооруженные при этом луком, сделанным из бразильского дерева или черной пальмы, и пучком бамбуковых стрел, так как они очень ревнивы. Женщины носят детей в хлопчатобумажной сетке, подвешенной к шее. Я опускаю другие подробности, дабы не быть докучным.

На берегу была дважды отслужена месса, в продолжение которой туземцы стояли на коленях с таким покаянным видом и поднятыми горе сложенными руками, что видеть их такими доставляло истинную радость.

Они соорудили для нас дом, полагая, что мы намерены оставаться здесь дольше, а перед нашим отплытием нарубили для нас большое количество бразильского дерева. **[47]**

Около двух месяцев тут не было дождей, но как раз в тот день, когда мы вошли в этот порт, пошел дождь, вследствие чего они твердили, что мы явились с неба и принесли с собой дождь. Этот народ можно легко обратить в веру Иисуса Христа.

На первых порах они думали, что маленькие лодки не что иное, как дети кораблей, и что роды происходят тогда, когда их спускают с кораблей на воду, тогда же, когда они привязаны вдоль кораблей, как это обычно и бывает, им казалось, что корабли кормят их грудью.

В этой стране мы пробыли тринадцать дней, затем, продолжая наш путь, мы достигли 34 1/3° широты в направлении Южного полюса, где встретили на берегу пресноводной реки людей, называемых каннибалами, употребляющих в пищу человеческое мясо. Один из них, гигантского роста, приблизился к флагманскому судну,

ободряя своих сотоварищей. Голос его походил на рев быка. В то время когда он находился на борту корабля, остальные занимались тем, что уносили свои пожитки подальше от места, где жили, из боязни перед нами. Видя это, мы высадили на берег сотню наших людей с целью найти языков и поговорить с ними или захватить одного из них силой. Они немедля обратились в бегство и делали такие большие шаги, что мы не могли догнать их, хотя старались также быстро бежать.

На этой реке расположено семь островов, и на самом большом находятся драгоценные камни. Это место носит название мыса Св. Марии. Одно время полагали, что отсюда можно выйти в Южное, то есть Полуденное, море, но ничего дальше не было когда-либо открыто. Теперь это название присвоено не мысу, а реке с устьем шириною 17 лиг [24]. Испанский капитан Хуан де Солис [25] некогда отправился с шестьюдесятью моряками для открытия стран, подобно нам, и был съеден на этой реке каннибалами, которым он слишком доверился.

Продолжая путь по направлению к Южному полюсу вдоль побережья этой страны, мы бросили якоря у двух островов, изобилующих гусями и морскими волками. Поистине трудно было определить число этих гусей: их было так много, что за один час мы нагрузили ими все пять кораблей. Гуси эти черного цвета, и все тело и крылья покрыты перьями одинаковой формы. Они не летают и питаются рыбой. Они такие жирные, что вовсе не было необходимости ощипывать перья — мы попросту сдирали с них кожу. Клюв их похож на вороний. Морские волки разной масти, они таких же размеров, как корова, с коровьей головой, маленькими круглыми ушами **[48]** и большими зубами. У них нет лап, а только подошвы с маленькими когтями у самого туловища, похожие на наши руки, а между пальцами у них перепонка,

как у гусей. Умей они бегать, они были бы весьма свирепы. Они плавают и питаются рыбой.

В этом месте корабли перенесли очень сильную бурю, во время которой неоднократно являлись нам три святых тела, а именно: св. Эльма, св. Николая и св. Клары, вскоре после чего буря прекратилась.

Оставив это место, мы достигли наконец 49°30' широты в направлении Южного полюса. Так как наступила зима, то суда остановились в одном безопасном для зимней стоянки порту [26]. Тут мы провели два месяца, не видя ни одного человека. Однажды мы вдруг увидели на берегу голого человека гигантского роста, он плясал, пел и посыпал голову пылью. Капитан-генерал велел одному из наших сойти на берег и проделать то же самое в знак миролюбивых намерений. Таким способом ему удалось завести его на островок и представить капитан-генералу. Когда гигант увидел нас и капитана, он чрезвычайно удивился и начал делать знаки поднятием пальца вверх, как бы заявляя, что мы явились с неба. Он был очень хорошо сложен и такого роста, что наши головы достигали только до его пояса. Его широкое лицо было все расцвечено красной краской, около глаз — желтой, на щеках нарисованы два сердца. Скудные волосы его были раскрашены белой краской. Одет он был в шкуры одного животного, искусно сшитые вместе. У этого животного голова и уши такой же величины, как у мула, шея и туловище — как у верблюда, ноги — как у оленя, а хвост — как у лошади, подобно которой он так же и ржал. В этой стране живет очень много подобных существ [27]. Обут дикарь был в кожу от ног того же животного, шкурой которого было покрыто его тело [28]. В руке у него был короткий тяжелый лук с тетивой немного потолще струны лютни, сделанной из кишок того же животного, и пучок не очень длинных бамбуковых стрел, оперенных, как и наши, и снабженных острыми наконечниками из белого и черного кремня вместо

железных, наподобие турецких стрел. Острия эти обрабатываются при посредстве другого камня. Капитан-генерал велел накормить и напоить великана. Между прочими предметами ему показали большое стальное зеркало. Когда он увидел в зеркале свое лицо, он был страшно испуган и шарахнулся назад, опрокинув при этом на землю четырех наших. Затем ему дали несколько погремушек, зеркало, гребенку и несколько молитвенников. Капитан-генерал отправил его на берег **[49]** в сопровождении четырех вооруженных. Когда один из сотоварищей великана, не побывавший на наших кораблях, увидел его и спутников, он кинулся к тому месту, где находились остальные. Все они, выстроившись в ряд, нагие, начали подходить к нашим людям. При приближении к ним наших людей они пустились в пляс и начали петь, поднимая палец к небу. Они показали нашим белый порошок, изготовляемый ими из корней одной травы и сохраняемый в глиняных горшках; этот порошок служит им пищей, ничего другого у них нет. Наши знаками пригласили их на корабли, обещая помочь им перенести туда все их пожитки. Но мужчины взяли только свои луки, в то время как их жены, словно мулы, нагрузили на себя все остальное. Женщины не такого высокого роста, как мужчины, зато гораздо более тучные. Их вид нас крайне поразил. Груди у них длиною в полтора локтя, они раскрашены и одеты так же, как и мужчины, но спереди кусок меха прикрывает их срамные части. Они вели за собой четырех детенышей упоминавшихся уже животных, связанных ремнями наподобие поводьев. Охотясь на этих животных, они привязывают детенышей к терновому кусту. Взрослые животные приходят поиграть с детенышами, и туземцы убивают их стрелами из своих укрытий.

Наши люди привели к кораблям восемнадцать туземцев, мужчин и женщин, и расставили их по обеим сторонам бухты, чтобы они изловили нескольких животных.

Спустя шесть дней наши люди, занятые рубкой дров, заметили другого великана, раскрашенного и одетого точно таким же образом. В руке у него были лук и стрелы. Когда наши приблизились к нему, он прежде всего коснулся руками головы, лица и туловища, и то же самое проделали и наши, и затем поднял руки к небу. Извещенный об этом, капитан-генерал приказал привезти его на маленькой лодке. Его привезли на островок в бухте, где нами был выстроен дом под кузницу и кладовую для хранения некоторых предметов с кораблей. Великан этот был даже выше ростом и еще лучше сложен, чем остальные, и столь же смирный и добродушный, как и они. Он плясал, подскакивая, и при каждом прыжке ноги его вдавливались в песок на целую пядь. Он прожил у нас много дней, так что мы его окрестили и дали имя Хуан. Он повторял за нами слова «Иисус», «Отче Наш», «Ave Maria» и «Хуан» столь же отчетливо, как и мы, но необыкновенно громким голосом. Капитан-генерал дал ему рубаху, шерстяную куртку, суконные штаны, шапку, зеркало, гребенку, погремушки и всякой всячины и отослал его так же, как и его сотоварищей, домой. Он **[50]** покинул нас счастливый и веселый. На следующий день он привел к капитан-генералу одно из упомянутых больших животных, взамен чего ему дано было много вещей, с тем чтоб он привел животных побольше, но с той поры мы его не видели больше. Мы решили, что сотоварищи убили его за то, что он общался с нами.

Спустя две недели мы увидели четырех таких же безоружных великанов: они скрыли свое оружие в кустах, о чем нам стало известно от двух взятых нами в плен. Каждый из них был раскрашен по-разному. Двоих из них, помоложе и лучше сложенных, капитан-генерал захватил при помощи очень

хитрой уловки для того, чтобы повезти их в Испанию. Если бы он употребил для этой цели другие средства, то они легко могли бы убить кого-нибудь из нас. Уловка же, к которой он прибегнул для того, чтобы их захватить, состояла в следующем. Он дал им много ножей, ножниц, погремушек и стеклянных бус; всем этим заняты были обе руки великанов. Капитан при этом держал две пары ножных кандалов и делал такие движения, как если бы хотел передать их великанам, которым эти вещи пришлись по вкусу, так как они были из железа, но они не знали их назначения. Им очень не хотелось отказываться от этого подарка, но им некуда было положить остальные подарки, да они еще должны были придерживать руками меха, в которые были укутаны. Другие два великана собирались было помочь им, но капитан не разрешил им этого. Видя, что они не склонны отказываться от кандалов, капитан знаками показал им, что может прикрепить их к их ногам и таким образом они могут их унести с собой. Они кивнули головами в знак согласия, и в ту же минуту капитан наложил кандалы на обоих одновременно. Когда наши приступили к запору замков на кандалах, великаны заподозрили что-то недоброе, но капитан успокоил их, и они продолжали стоять неподвижно. Однако, увидев, что обмануты, они рассвирепели, как быки, громко крича: «Сетебос» [29] — и призывая его на помощь. С трудом связали мы руки остальным двум и отправили их с девятью нашими на берег, с тем чтобы они указали место, где спряталась жена одного из захваченных нами великанов, так как этот последний выражал сильное горе по поводу того, что она осталась одна, судя по знакам, которые он делал и по которым мы поняли, что речь идет именно о ней. Пока они находились в пути, один из великанов высвободил свои руки и пустился бежать с такой быстротой, что наши вскоре потеряли его из виду. Он прибежал на то место, где остались его сотоварищи, но не нашел там одного из них, который остался с женщинами **[51]** и отправился на охоту. Он немедля

отправился в поиски за ними и рассказал ему обо всем случившемся. Другой великан делал такие усилия освободиться от уз, что наши вынуждены были ударить его, слегка ранив при этом в голову, и заставили повести их, несмотря на его ярость, туда, где находились женщины. Кормчий и предводитель нашего отряда Жуан Каваджо порешил не уводить женщин ночью, а заночевать на берегу, так как уже вечерело. В это время появились два других великана. Увидев своего сотоварища раненым, они заколебались было, но ничего не сказали. Однако на рассвете они сообщили об этом женщинам, и все они бросились тотчас же бежать, покинув все свои пожитки, причем те, что были ростом поменьше, бежали быстрее других. Двое из них обернулись и выстрелили в наших из луков. Один уводил с собою животных, предназначенных для охоты, как описано было выше. В этом бою один из наших был поражен стрелою в бедро и вскоре умер. Увидев это, великаны побежали еще быстрее. Наши были вооружены мушкетами и самострелами, но не могли ранить ни одного из великанов, так как во время сражения великаны не стояли на одном месте, а кидались в разные стороны. Наши похоронили убитого товарища и сожгли все имущество великанов, оставленное ими. Действительно, эти великаны бегают быстрее, чем лошади, и весьма сильно ревнуют своих жен.

Когда у туземцев болит желудок, они, вместо того чтобы очистить его, засовывают в глотку стрелу на глубину двух и более пядей и изрыгают смешанную с кровью массу зеленого цвета, так как они употребляют в пищу какой-то вид чертополоха. Если у них болит голова, они делают порез на лбу; порезы делают они также на руках, ногах и на других частях тела, чтобы выпустить побольше крови. Один из тех, которых мы захватили и содержали на нашем корабле, объяснил нам, что кровь отказывается оставаться дольше (там, где чувствуется боль), отчего и причиняет им страдание.

Волосы у них острижены, как у монахов, в виде тонзуры, но они длиннее [30]. Голова охвачена хлопчатобумажным шнурком, к которому они, отправляясь на охоту, прикрепляют стрелы. Когда кто-нибудь из них умирает, появляются десять или двенадцать раскрашенных с головы до ног демонов и затевают веселую пляску вокруг трупа. Один из них, утверждают они, выше всех остальных, он и кричит и веселится громче всех. Они и окрашивают себя на тот же лад, что и появляющиеся им демоны. Самого большого демона они называют именем Сетебоса, а других — Келуле. Великан знаками дал нам знать, что **[52]** он сам видел демонов с двумя рогами на голове и длинными волосами, висящими до пят; они изрыгают пламя изо рта и зада. Капитан-генерал назвал этот народ патагонцами. Одеты они в шкуру упомянутого уже животного, и других жилищ, кроме как из шкур того же животного, у них нет; в этих домах они кочуют с места на место, подобно цыганам. Питаются они сырым мясом и сладким корнем, называемым ими «капа». Каждый из захваченных нами великанов съедал по корзине сухарей и залпом выпивал полведра воды. Они едят также крыс вместе с кожей.

В этой бухте, названной нами бухтой Св. Юлиана [Сан-Хулиан], мы пробыли около пяти месяцев. Тут имело место немало происшествий. Дабы Ваша светлость знал некоторые из них, расскажу, что, как только мы вошли в бухту, капитаны остальных кораблей замыслили измену с целью убийства капитан-генерала. Заговорщиками были смотритель флота Хуан де Картахена, казначей Луис де Мендоса, счетовод Антонио де Кока и Гаспар де Кесада. Заговор был раскрыт, и смотритель был четвертован, а казначей умер от ударов кинжала. Спустя несколько дней после этого Гаспар де Кесада вместе с одним священнослужителем был изгнан в Патагонию. Капитан-генерал не захотел убить его, так как сам император дон Карл назначил его капитаном [31]. Корабль

«Сантьяго» потерпел крушение во время экспедиции, предпринятой для исследования побережья страны. Экипажу удалось спастись каким-то чудом, никто даже не промок. Двое из них, испытав множество трудностей, явились к нам и рассказали о случившемся. Тогда капитан-генерал послал несколько человек с запасом сухарей на два месяца. Они нуждались в пище, так как каждый день собирали обломки корабля. Дорога туда была далекая, 24 лиги, или 100 миль, весьма неровная и заросшая колючим кустарником. Наши моряки провели четыре дня в дороге, отдыхая по ночам в кустах. Воды найти нельзя было, и они утоляли жажду льдом, что усугубляло их трудности [32].

В этой бухте [Сан-Хулиан] мы находили моллюсков, названных нами «миссилиони». Они несъедобны, но внутри их находятся жемчужины, правда небольшие. Мы встречали тут также ладан, страусов, лисиц, воробьев и кроликов помельче наших. Мы тут водрузили крест на самой высокой вершине в знак того, что страна эта принадлежит королю Испании, и назвали эту вершину Монте-Кристо.

Покинув это место, мы нашли на 51-м градусе без одной трети в направлении Южного полюса пресноводную реку. Наши корабли тут чуть не погибли из-за яростных ветров, но **[53]** Бог и святые тела вызволили нас из беды. Мы простояли на этой реке около двух месяцев для обеспечения кораблей водой, дровами и рыбой длиною в один и более локоть, покрытой чешуей. Она очень хороша на вкус, но ее было немного. Перед тем как покинуть реку, капитан-генерал и все мы исповедались и причастились, как подобает истинным христианам [33].

Подойдя к 52° той же широты, мы открыли в день Одиннадцати тысяч дев пролив, мыс на котором был назван мысом Одиннадцати Тысяч Дев в память столь великого чуда. В длину этот пролив простирается на 10 лиг, или 40 миль, а в

ширину — на пол-лиги, в одном месте он уже, в другом шире. Он ведет к другому морю, получившему название Тихого моря, и окружен со всех сторон очень высокими горами, покрытыми снегом. Мы не могли нащупать дно и вынуждены были ошвартоваться у берега, на расстоянии 25 — 30 морских брасов. Без капитан-генерала нам бы ни за что не обнаружить этот пролив, так как нам говорили, что он закрыт со всех сторон. Но капитан-генерал, который знал, куда следует направиться, чтобы найти скрытый от глаз пролив, так как он видел его на карте в сокровищнице короля Португалии, нарисованной таким превосходным мужем, как Мартин Бегайм [34], отрядил два корабля, «Сан-Антонио» и «Консепсьон», для исследования того, что именно находится внутри бухты Байя [35]. Мы же на других кораблях, флагманском «Тринидад» и «Виктория», оставались внутри бухты, ожидая их возвращения. В эту «ночь на нас налетела буря, продолжавшаяся до полудня следующего дня. Она вынудила нас поднять якоря, и нас кидало в бухте из стороны в сторону. Те же два корабля не в состоянии были из-за встречного ветра обогнуть мыс, образуемый бухтой почти у выхода из нее, и с минуты на минуту ожидали гибели. Но как раз тогда, когда они подошли к краю бухты, ожидая неминуемой гибели, они заметили какой-то проход, который оказался не проходом даже, а резким поворотом. В отчаянии они устремились туда, и так вот случайно они и открыли пролив. Убедившись в том, что это не резкий поворот, а пролив, граничащий с сушей, они проследовали дальше и обнаружили бухту. Направляясь еще дальше, они открыли еще один пролив и еще одну бухту, еще более широкие, чем предыдущие. С радостным чувством поспешили они известить об этом капитан-генерала. Мы же решили, что они потерпели крушение, во-первых, из-за жестокого шторма, а во-вторых, потому, что прошло уже два дня, а они еще не вернулись, а также потому, что были замечены дымовые сигналы, сделанные двумя посланными с наших кораблей на

берег, чтобы подать нам весть. **[54]** В таком состоянии мы и увидели эти два корабля, подходившие к нам на всех парусах с развевающимися по ветру флагами. Подойдя к нам ближе в таком виде, они тут же стали стрелять из орудий и шумно приветствовали нас. Тогда все мы возблагодарили Бога и Деву Марию и направились на дальнейшие поиски.

Вступив в этот пролив, мы нашли два выхода из него: один — на юго-восток, другой — на юго-запад. Капитан-генерал отправил корабль «Сан-Антонио» вместе с кораблем «Консепсьон» удостовериться, имеется ли выход на юго-востоке в Тихое море. Корабль «Сан-Антонио» отказался ждать «Консепсьон», намереваясь бежать и вернуться в Испанию, каковое намерение он и осуществил. Кормчим этого корабля был Стефан Гомес [36], который ненавидел капитана пуще всего оттого, что, когда эскадра была уже снаряжена, император повелел дать ему несколько каравелл для совершения открытий, но его величество так и не предоставил их ему вследствие появления капитан-генерала. По этой-то причине он и замыслил заговор с некоторыми испанцами, и на следующий день они захватили капитана своего корабля, двоюродного брата капитан-генерала, Альваро де Мескита, ранили его, заключили в оковы и в таком виде отвезли в Испанию.

На этом корабле находился один из великанов, которого мы захватили, но он умер, как только наступила жаркая погода. «Консепсьон» не мог следовать за этим кораблем и стал крейсировать в ожидании его отправления. «Сан-Антонио» вернулся ночью и в ту же ночь бежал тем же проливом.

Мы отправились в поиски другого выхода к юго-западу. Направляясь все время по этому проливу, мы подошли к реке Сардин, названной так потому, что там было очень много сардин. Мы пробыли здесь четыре дня в ожидании прихода двух остальных кораблей. За это время мы отрядили хорошо

снаряженную лодку для исследования мыса другого моря. Посланные вернулись через три дня с известием, что они видели мыс и открытое море. Капитан-генерал прослезился от радости и назвал этот мыс Желанным [37], так как мы долгое время его желали. Затем мы возвратились, чтобы соединиться с двумя другими кораблями, но нашли только «Консепсьон». На наш вопрос, где же второй корабль, Жуан Серран [38], капитан и кормчий первого, так же как и корабля, потерпевшего крушение, ответил, что он не знает и что после вступления в проход он более его не видел. Мы произвели розыски на всем протяжении пролива вплоть до самого выхода, через который он бежал, а капитан-генерал отправил корабль «Виктория» **[55]** обратно к входу в пролив, чтобы удостовериться, там ли этот корабль. Было дано распоряжение, в случае ненахождения корабля, водрузить на вершине невысокого холма флаг и зарыть под ним письмо в глиняном горшке с таким расчетом, чтобы, когда станет виден флаг и найдено будет письмо, корабль мог узнать курс, по которому мы направились. Таков был согласованный между нами способ на случай, если бы отдельные корабли сбились с пути. С такого рода письмами были водружены два флага: один — на небольшом возвышении в первой бухте, другой — на островке в третьей бухте [39], где находилось множество морских волков и больших птиц. Капитан-генерал поджидал этот корабль вместе с другим своим кораблем у островка Ислео [40] и поставил крест на островке у реки, протекающей между высокими горами, покрытыми снегом, и впадающей в море вблизи реки Сардин. Не открой мы этого пролива, капитан-генерал непременно дошел бы до 75° широты в направлении к Южному полюсу.

На этой широте в летнее время ночи нет, а если ночь и бывает, то короткая; столь же короток и день в зимнее время. Чтобы Ваше сиятельство мог этому поверить, скажу, что,

когда мы находились в этом проливе, ночь продолжалась не более трех часов, а были мы там в октябре месяце.

По левую сторону от пролива земля тянулась в юго-восточном направлении и представляла собою низменность.

Пролив этот мы назвали Патагонским проливом. Через каждые пол-лиги мы находили надежнейшие гавани, воду, превосходные деревья, но не кедр, рыбу, сардины и миссиолиони, сельдерей [41], сладкую траву (хотя там имеются и более горькие виды), растущую около источников. Мы питались этой травой много дней подряд за неимением другой пищи.

Думаю, что нет на свете пролива более прекрасного и удобного, чем этот.

На этом Море-Океане можно быть свидетелем очень забавной охоты. Охотником является рыба трех родов. Она достигает в длину более одной пяди и носит название: дорадо, альбикор и бонито. Эта рыба преследует летающую рыбу, колондрино, длиною более одной пяди и очень приятную на вкус. Когда упомянутая рыба трех родов замечает летающую рыбу, последняя тут же выскакивает из воды и летит на расстояние выстрела из самострела, пока крылья у нее еще влажные. Пока она летит, другие рыбы мчатся вслед за нею под водой, следуя за ее тенью. Как только колондрино падает в воду, они немедленно хватают ее и пожирают. Забавно и ловко так, что приятно смотреть. **[56]**

Когда туземцы намерены развести огонь, они трут один заостренный кусок дерева о другой, пока огонь не охватит сердцевины одного какого-то дерева, помещаемой ими между двумя этими кусочками.

В среду 28 ноября 1520 г. мы выбрались из этого пролива и погрузились в просторы Тихого моря. В продолжение трех

месяцев и двадцати дней мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой [42]. Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать.

Однако хуже всех этих бед была вот какая. У некоторых из экипажа верхние и нижние десны распухли до такой степени, что они не в состоянии были принимать какую бы то ни было пищу, вследствие чего и умерли [43]. От этой болезни умерло девятнадцать человек, в том числе и великан, а также индеец из страны Верзин. Из числа тридцати человек экипажа переболело двадцать пять, кто ногами, кто руками, кто испытывал боль в других местах, здоровых оставалось очень мало. Я, благодарение Господу, не испытал никакого недуга.

За эти три месяца и двадцать дней мы прошли четыре тысячи лиг, не останавливаясь, по этому Тихому морю. Поистине оно было весьма мирным, ибо за все это время мы не выдержали ни одной бури. Кроме двух пустынных островков, на которых мы нашли одних только птиц да деревья и потому назвали их Несчастными островами, мы никакой земли не видели. Они лежат на расстоянии двухсот лиг один от другого. Мы не находили места, куда бы бросить якоря, и видели около них множество акул. Первый островок лежит под 15° южной широты, а другой — под 9° [44]. Согласно измерениям, которые мы производили по бревну от корабельного носа до кормы, мы делали ежедневно 50, 60 или 70 лиг. Если бы Господь Бог

и Приснoблаженная Мать Его не послали нам хорошей погоды, мы все погибли бы от голода в этом необычайно обширном море. Я глубоко уверен, что путешествие, подобное этому, вряд ли может быть предпринято когда-либо в будущем. **[57]**

Если бы после оставления пролива мы двигались беспрерывно в западном направлении, мы объехали бы весь мир, но не открыли бы ничего, кроме мыса Одиннадцати Тысяч Дев. Это мыс в этом проливе у Тихого моря в прямом направлении на юго-запад, как и мыс Желанный в Тихом море. Оба эти мыса лежат точно на 53° в направлении к Южному полюсу.

Южный полюс не такой звездный, как Северный. Здесь видны скопления большого числа небольших звезд, напоминающие тучи пыли. Между ними расстояние небольшое, и они несколько тусклые. Среди них находятся две крупные, но не очень яркие звезды, двигающиеся очень медленно. Это две звезды Южного полюса. Наша магнитная стрелка, хотя и отклонялась то в одну, то в другую сторону, все же направлялась все время к Северному полюсу, но тут сила этого движения не такая, как в своем полушарии. По этой-то причине, когда мы находились на этих просторах и капитан-генерал запрашивал кормчих, идут ли они вперед по курсу, отмеченному нами на картах, и они в ответ ему заявляли: «Точно по вашему курсу, здесь начертанному», он указывал им, что они шли по неправильному курсу, в чем он был прав, и что надлежит выправить магнитную стрелку, ибо у нее не хватает силы в этом полушарии. Когда мы находились посреди этих открытых просторов, мы наблюдали пять необычайно ярко сверкающих звезд, расположенных крестом в прямом направлении на запад и одна против другой [45].

Эти дни мы шли между западом и северо-западом, пока не достигли экватора на расстоянии 122° от демаркационной линии. Линия же демаркации лежит на 30° от начального меридиана, а этот меридиан лежит на 3° к юго-западу от Зеленого Мыса.

Идя в этом направлении, мы прошли на коротком расстоянии от двух изобилующих большими богатствами островов, расположенных один под 20° широты Южного полюса под названием Сипангу и другой — под 15° — под названием Сум-бдит-Прадит [46].

Миновав экватор, мы направились на запад-северо-запад, между западом и севером, после чего шли 200 лиг на запад, переменив курс на юго-запад, и достигли 13° широты Северного полюса с целью быть ближе к мысу Гатикара. Этот мыс — да простят мне космографы, которыми он не был замечен, — вовсе не находится там, где представляют себе его местоположение, а севернее на 12° или около этого.

Пройдя около 70 лиг по этому курсу, мы нашли под 12° широты и 146° долготы в среду 6 марта небольшой остров **[58]** в северо-западном направлении [47] и два других — в юго-западном, из которых один более возвышенный и больше двух остальных. Капитан-генерал намеревался было сделать стоянку около большого острова, чтобы запастись свежей водой, но он не мог выполнить своего намерения потому, что жители этого острова забирались на корабли и крали там все, что было под руками, мы же не могли защититься от них. Наши решили уже спустить паруса и высадиться на берег, но туземцы весьма ловко похитили у нас небольшую лодку, прикрепленную к корме флагманского судна. Тогда капитан-генерал в гневе высадился на берег с 40 или 50 вооруженными людьми, которые сожгли 40 — 50 хижин вместе с большим числом лодок, и убил семерых туземцев. Он забрал свою лодку, и мы тотчас же пустились в путь,

следуя по тому же направлению. Перед тем как мы высадились на берег, некоторые из больных нашего экипажа попросили нас принести им внутренности мужчины или женщины, в том случае если мы кого-нибудь убьем, дабы они могли немедленно излечиться от своей болезни.

Когда кто-нибудь из туземцев бывал ранен дротиками наших самострелов, которые пронзали его насквозь, он раскачивал конец дротика во все стороны, вытаскивал его, рассматривал с великим изумлением и таким образом умирал. Так же поступали и раненные в грудь, что вызывало у нас сильное чувство жалости. Когда мы уезжали, туземцы провожали нас на расстоянии свыше одной лиги более чем на сотне лодок. Приближаясь к кораблям, они показывали нам рыбу, точно хотели дать ее нам, и тут же забрасывали нас камнями. И хотя мы шли на всех парусах, они с большой ловкостью скользили в своих лодчонках между кораблями и небольшими шлюпками, привязанными к корме. Вместе с ними на лодках находились и женщины, которые кричали и рвали на себе волосы, вероятно оплакивая убитых нами.

Каждый из этих туземцев живет согласно своей воле, так как у них нет властелина. Ходят они нагие, некоторые носят бороду и черные волосы, спускающиеся до пояса. Они носят, подобно албанцам, небольшие шляпы из пальмовых листьев. Они такого же роста, как и мы, и хорошо сложены. Они ничему не поклоняются. Цвет их кожи смуглый, хотя родятся они белыми. Зубы окрашены в красный и черный цвета, они считают это признаком самой большой красоты. Женщины ходят голые, только срамная часть у них прикрыта узкой полоской тонкой, как бумага, коры, растущей между древесиной и корою пальмы. Они миловидны и изящно сложены, цвет кожи у них светлее, чем у мужчин. Черные волосы их **[59]** распущены и падают до земли. Женщины не занимаются полевыми работами, а проводят время дома за плетением циновок, корзин и изготовлением других

хозяйственных предметов из пальмовых листьев. Пищу их составляют кокосовые орехи, пататы, фиги [48] величиной в одну пядь [бананы], сахарный тростник и летающие рыбы помимо другого съестного. Они мажут тело и волосы кокосовым и кунжутным маслом. Дома их построены из дерева, крышей служат жерди, на которых лежат листья фигового [бананового] дерева длиною в две пяди; имеются полы и окна. Комнаты и постели убраны очень красивыми пальмовыми циновками. Спят они на пальмовых тюфяках, очень мягких и нежных. Иного вида вооружения, кроме копья с насаженной на его конце рыбьей костью, у них не имеется. Они бедны, но весьма ловки и особенно вороваты, вследствие чего эти три острова названы были Островами Воров (Разбойничьими). Они бороздят море на своих лодчонках, что служит развлечением как мужчин, так и женщин. Они напоминают собой физолеры [49], но они уже, некоторые окрашены в белый или красный цвет. Напротив паруса лежит заостренное в конце бревно; к нему накрест прикреплены жерди, опускающиеся в воду, чтобы уравновесить лодку. Парус изготовляется из сшитых вместе пальмовых листьев и напоминает собой латинский парус. Рулем служит лопасть, похожая на лопатку булочника, с куском дерева на конце. Корма служит также и носом; в общем они напоминают дельфинов, которые перескакивают с волны на волну. «Воры», судя по знакам, которые они делали, были в полной уверенности, что, кроме них, на свете иных людей нет.

В субботу 16 марта 1521 г., поутру, мы подошли к возвышенной местности, на расстоянии 300 лиг от Разбойничьих островов, — то был остров Самаль [Самар]. На следующий день капитан-генерал решил для большей безопасности высадиться на другом необитаемом острове, расположенном справа от вышеупомянутого, и там запастись

водой и отдохнуть немного. Он велел раскинуть на берегу два шатра для больных и зарезать для них свинью.

В понедельник 18 марта, под вечер, мы заметили приближающуюся к нам лодку с девятью туземцами. Капитан-генерал приказал всем не делать ни малейшего движения и не вымолвить ни одного слова без его позволения. Когда они подошли к берегу, их начальник тотчас направился к капитан-генералу со знаками радости по поводу нашего прибытия. С нами остались пятеро наиболее пышно разукрашенных, другие вернулись к лодке позвать оставшихся в ней и занятых рыбной **[60]** ловлей, после чего собрались все. Видя, что эти люди благорассудительные, капитан-генерал распорядился дать им поесть и роздал им красные головные уборы, зеркала, гребенки, погремушки, безделушки из слоновой кости, демикотон и другие вещи. Довольные обхождением капитана, они предложили рыбу, кувшин пальмового вина, называемого у них «урака» [аррак], фиги длиною более пяди [бананы], а также фиги меньшего размера и более сладкие и два кокосовых ореха. У них с собою больше ничего, кроме этого, не было, но знаками, при помощи рук, они показали, что привезут нам в ближайшие четыре дня «умай», или рис, кокосовые орехи и множество других предметов пищи.

Кокосовые орехи — это плоды пальмового дерева. Подобно тому как мы удовлетворяем свою нужду в хлебе, вине, масле и молоке, туземцы извлекают все необходимое для питания из этого дерева. Поступают же они для получения из пальмы вина следующим образом. Они просверливают в стволе на вершине пальмы отверстие до самой древесины, и из этого отверстия начинает сочиться жидкость, похожая на белый муст. Жидкость эта сладкая, но несколько терпкая на вкус. Ее собирают в бамбуковые стебли толщиной в ногу и даже больше. Привязанные к пальме стебли бамбука они оставляют до утра, а привязанные с утра — до самого вечера.

Плод пальмы, кокосовый орех, величиною с голову или около этого. Его внешняя скорлупа зеленого цвета и толще двух пальцев. Внутри скорлупы находятся волокна, из которых они изготовляют веревки для связывания лодок. Под этой скорлупой находится твердая кожура, более толстая, чем у ореха; они ее сжигают и получают таким образом порошок для различного употребления. Под этой кожурой находится белая мякоть толщиной с палец, которую они едят в сыром виде, как мы едим хлеб с мясом и рыбой. По вкусу она напоминает миндаль. Ее можно высушить и превратить в муку. Внутри этой мякоти находится весьма укрепляющая сладкая жидкость. Стоит ей постоять некоторое время на воздухе, как она застывает и становится похожей на яблоко. Для получения масла они дают перебродить мякоти вместе с жидкостью, затем кипятят и получают масло вроде сливочного. Для получения уксуса они дают перебродить одной только жидкости, выставляют ее на солнце и получают уксус, похожий на наш из белого вина. Из этой жидкости можно также раздобыть молоко; мы получили его немного. Так, мы наскоблили мякоть и смешали ее с ее же жидкостью, процеженной через полотно, и получили таким образом молоко вроде козьего. Эти пальмы **[61]** похожи на финиковые, но хотя ствол их не гладкий, он все же не такой сучковатый, как ствол финиковой пальмы. Семья из десяти человек может прокормиться при двух пальмах, используя одну из них одну неделю, а другую — другую неделю, в противном случае пальмы высохнут. Пальмы эти живут целое столетие.

Туземцы свыклись с нами. Они рассказывали нам о многом, о том, как их зовут, а также названия некоторых островов, которые мы могли видеть из нашей стоянки. Остров, на котором они жили, носит название Сулуан [50]. Он не очень больших размеров. Встречи с туземцами доставляли нам большое удовольствие, так как они были очень приветливы и

общительны. Дабы оказать им еще больше внимания, капитан-генерал привел их на свой корабль и показал им все свои товары: гвоздику, корицу, перец, имбирь, мускатный орех, матию, золото и многое другое. Он велел выстрелить из нескольких орудий, отчего они были сильно испуганы и пытались даже спрыгнуть с корабля. Они знаками дали нам понять, что все эти предметы как раз и находятся там, откуда они сами. Прощаясь с нами, они расстались очень вежливо и приветливо и заявили, что скоро вернутся.

Остров, где мы находились, носит название Хумуну, но, так как мы нашли на нем два источника прозрачнейшей воды, мы дали ему название Водоем с хорошими признаками; мы действительно обнаружили тут первые признаки золота, имеющегося в этой стране [51]. Мы нашли тут также множество белых кораллов и огромные деревья, плоды которых не намного меньше миндаля и напоминают семена сосны. Тут растет много пальм различных пород, одни похуже, другие получше. В этом краю много островов, почему мы и назвали его архипелагом Святого Лазаря, так как мы их открыли в субботу, в день св. Лазаря. Он лежит на 10° широты к Северному полюсу и 161° долготы от демаркационной линии [52].

В пятницу 22 марта, в полдень, туземцы, согласно обещанию, приехали к нам на двух лодках, груженных кокосовыми орехами, сладкими апельсинами, кувшином пальмового вина и петухом [53], чтобы показать, что на острове водится птица. При виде нас они выражали большое удовольствие. Мы закупили у них все привезенные ими предметы. Их властителем был разрисованный [татуированный] старик. В ушах у него были две золотые серьги, у его спутников было много золотых браслетов на руках и платки на головах.

Мы простояли тут неделю, и за это время наш капитан ежедневно высаживался на берег, навещая больных и давая

им **[62]** из своих рук напиток из кокосового ореха, что весьма подкрепляло их.

В этом краю поблизости от этого острова мы встретили людей, в ушах которых были проделаны такие широкие отверстия, что сквозь них можно было просунуть руку. Это кафры, то есть «язычники». Они ходят голые, только срамная часть покрыта плетением из древесной коры; их начальники одеты в хлопчатобумажную ткань, вышитую по концам шелком при помощи иглы. Они темного цвета, тучны и разрисованы. Они мажут тело кокосовым и кунжутным маслом для защиты от солнца и ветра. У них очень черные волосы, опускающиеся до пояса. У них в употреблении кинжалы, ножи и копья, украшенные золотом, широкие щиты, гарпуны, дротики и рыболовные сети, похожие на наш невод. Их лодки напоминают наши.

В понедельник на Страстной неделе, в день Нашей Владычицы, 25 марта, под вечер, когда мы собирались уже поднимать якорь, я подошел к борту, намереваясь половить рыбу, и, не успев поставить ногу на рею, ведущую в кладовую, поскользнулся, так как рея была мокрая от дождя, и упал в море, а меж тем поблизости не было никого. Я уже погрузился в воду, но тут моя левая рука нащупала веревку от грот-мачты, которая болталась в воде. Я крепко ухватился за нее и стал так громко кричать, что ко мне поспешили на шлюпке и спасли меня. Разумеется, не мои заслуги были причиной моего спасения, а только благость этого источника милосердия (Богородицы).

В тот же день мы направились на юго-юго-запад между четырьмя небольшими островами, именно: Сенало, Хьюнанган, Ибуссон и Абарьен [54].

В четверг 28 марта, утром, мы отшвартовались у острова, на котором накануне ночью заметили огонь. К флагманскому

кораблю приблизилась лодка, которую туземцы называют «болото», с восемью людьми на ней. С ними заговорил раб капитан-генерала [55], уроженец Саматры [56], носившей ранее название Трапробана. Они его поняли сразу, но остановились поодаль от корабля, отказываясь подняться на борт. Видя, что они нам не доверяют, капитан приказал сбросить им красную шапку и другие вещи, привязанные к куску дерева. Они очень охотно приняли эти вещи и тотчас уехали, чтобы известить своего властителя. Часа два спустя мы увидели две баланги. Так называются у них большие лодки. На них было множество людей, а на самой большой находился их властитель, который сидел под навесом из циновок. Раб повел с ним разговор, как **[63]** только тот приблизился к флагманскому кораблю. Он понял речь раба, так как в этих краях властители знают больше наречий, чем все другие [его подданные]. Некоторым из своих спутников он приказал подняться на корабль, сам же оставался в своей баланге на некотором расстоянии от корабля, ожидая возвращения своих людей. Как только они вернулись, он уехал. Капитан-генерал оказал большое внимание туземцам, взошедшим на корабль, и одарил их некоторыми вещами, за которые их властитель пожелал перед отъездом дать капитану большой слиток золота и корзину имбиря. Капитан, однако, отказался их принять, сердечно поблагодарив властителя. Под вечер мы подошли на кораблях ближе к берегу и остановились недалеко от поселения властителя.

На следующий день, в Страстную пятницу, капитан-генерал отправил своего раба, служившего нам толмачом, на берег в небольшой шлюпке, поручив ему спросить властителя, может ли он прислать на корабли съестные припасы; он велел передать, что тот будет полностью вознагражден нами, так как он и его люди явились в эту страну как друзья, а не как враги. После этого властитель приехал с шестью или восемью своими людьми и взошел на корабль. Он обнял капитан-

генерала и дал ему три фарфоровых кувшина с невареным рисом, закрытые листьями, две большие рыбы (дорадо) и другие предметы. Капитан-генерал в свою очередь преподнес ему платье из красной и желтой материи турецкого фасона и красивый красный головной убор, а его свите — одним ножи, другим зеркала. Затем он велел подать им завтрак, а толмачу-рабу приказал передать властителю, что хочет быть ему «каси-каси» [57], то есть братом, на что властитель ответил, что он точно так же желает находиться в братских отношениях с капитан-генералом. Капитан показал ему разноцветные материи, полотно, коралловые украшения и множество других товаров, а также артиллерию, при этом были сделаны выстрелы из нескольких пушек, что сильно напугало туземцев. Затем капитан-генерал велел одному из наших надеть полное вооружение, а трем другим, вооруженным мечами и кинжалами, наносить ему удары по всему телу. Властитель был донельзя поражен этим зрелищем. При этом капитан-генерал сказал ему через раба, что один вооруженный таким образом человек может сражаться против ста его же людей. На что властитель ответил, что он в этом убедился воочию. Капитан-генерал заявил, что на каждом из кораблей находится по двести человек, вооруженных таким же образом. Он показал ему кирасы, мечи, щиты, а также как ими пользоваться. После этого он повел властителя на **[64]** дек корабля, что находится над кормой, и велел принести туда морскую карту и бусоль [58]. Через толмача он объяснил, каким образом ему удалось открыть пролив, позволивший ему прибыть сюда, и сколько месяцев он провел на море, не видя суши. Рассказ этот сильно удивил властителя. В заключение он попросил у властителя позволения послать с ним двух своих людей, с тем чтобы тот показал ему некоторые из его предметов. Властитель изъявил согласие, после чего туда отправился я в сопровождении одного из наших людей.

Едва мы сошли на берег, как властитель поднял руки к небу, после чего повернулся к нам. Мы повторили то же перед его лицом, точно так же поступили и все окружающие. Властитель взял меня за руку, а спутника моего взял за руку один из начальников. Они повели нас под бамбуковый навес, под которым находилась баланга, в длину равная восьмидесяти моим ладоням и напоминающая собой галеру (фусту). Мы сели на корме этой баланги, переговариваясь все время при помощи знаков. Свита властителя окружила нас, вооруженная мечами, кинжалами, копьями и щитами. Властитель распорядился принести блюдо со свининой и большой кувшин с вином. Каждый кусок пищи мы запивали чашей вина. Остатки вина в чаше — это, правда, случалось редко — выливались обратно в кувшин. Чаша властителя оставалась все время закрытой, и из нее дозволялось пить только властителю и мне.

Перед тем как поднести чашу ко рту, властитель поднимал сложенные руки к небу, а потом простирал их ко мне, когда же он приступал к питью, то протягивал сжатый кулак (на первых порах я решил было, что он собирается ударить меня) и только после этого принимался пить. Я поступал точно так же, обращаясь все время к нему. Каждый из присутствующих делал такие же движения по отношению к рядом с ним находившимся. С такими церемониями мы вкушали пищу, обмениваясь в то же время знаками, выражающими дружбу. Я ел мясо в Страстную пятницу, но ничего не поделаешь.

До наступления ужина я передал властителю множество предметов, которые захватил с собою. Названия многих предметов на их наречии я тут же записал. Они были крайне удивлены, видя меня пишущим и особенно узнав, что я записал их собственные слова.

Пока я занимался этим, подали ужин. Внесли два больших фарфоровых блюда: одно — с рисом, другое — со свининой с

подливкой. Ужин сопровождался такими же церемониями и знаками, после чего мы направились во дворец властителя, **[65]** который имел вид сеновала, покрытого банановыми и пальмовыми листьями. Он покоился высоко над землей на огромных деревянных сваях, и, чтобы туда взойти, надо было взбираться по лестнице. Властитель предложил нам сесть со скрещенными ногами на бамбуковую циновку, как то делают портные. Спустя полчаса было внесено блюдо с вареной рыбой, разрезанной на куски, свежесобранный имбирь и вино. В это время явился наследник, старший сын властителя, и властитель велел ему сесть рядом с нами, что он и сделал. После этого внесли два блюда: одно — с рыбой и подливкой, другое — с рисом, чтобы мы могли поужинать вместе с наследником. Мой спутник опьянел оттого, что много пил и ел.

Здесь для освещения употребляется смола одного дерева, называемая ими «аниме», которую они заворачивают для этой цели в пальмовые или банановые листья. Властитель сделал нам знак, что отправляется на покой. Наследник остался с нами, и мы спали вместе с ним на бамбуковой циновке и подушках, сделанных из листьев.

С наступлением рассвета явился властитель, взял меня за руку и повел туда, где накануне мы ужинали, для того, чтобы попотчевать нас, но в это время пришли звать нас с нашей шлюпки. При расставании властитель с большой радостью облобызал нам руки и мы — его. С нами отправился один из его братьев, властитель другого острова, и трое туземцев. Капитан-генерал оставил его обедать с нами и надавал ему много вещей.

На этом острове, откуда властитель явился к нам на корабль, можно найти куски золота, стоит только просеять землю. Все блюда этого властителя сделаны из золота, из золота сделана также часть его дома — так рассказывал нам он сам.

Сообразно существующим здесь обычаям он был одет наряднее всех других и действительно казался самым красивым среди всех окружающих его людей. Волосы его были черного-черного цвета и спускались до плеч. Его голова была покрыта шелковой тканью, а в ушах висели большие золотые серьги. От пояса до колен он был покрыт хлопчатобумажным покровом, расшитым шелком. На боку висел кинжал с довольно длинной золотой рукояткой в ножнах из инкрустированного дерева. На каждом зубе у него были три золотые крапинки, и казалось, будто зубы его связаны золотом. Он был надушен росным ладаном. Цвета он был желтого и весь покрыт татуировкой.

Острова, которыми он владел, называются Бутуан и Калаган. Всякий раз как властители этих двух государств пожелают встретиться друг с другом, они отправляются на охоту на **[66]** тот остров, на котором мы теперь находились. Имя первого властителя было раджа Коламбу, другого — раджа Сиау.

В воскресенье, в последний день марта, день пасхальный, рано утром капитан-генерал отправил священнослужителя вместе с некоторыми нашими людьми на берег для приготовлений к мессе. Вместе с ними поехал и наш толмач предупредить властителя, что мы высаживаемся не для того, чтобы откушать вместе с ним, а слушать мессу. Властитель прислал нам двух зарезанных свиней. С наступлением часа мессы на берег сошло человек около пятидесяти, не в полном вооружении, но все же имея при себе оружие и одетых как можно лучше. Перед тем как мы добрались до берега, были сделаны выстрелы из шести пушек в знак наших мирных намерений. После того как мы показались на берегу, оба властителя обняли капитан-генерала и поместили его рядом с собою. Боевым маршем прибыли мы на место, предназначенное для мессы и находившееся неподалеку от берега. Прежде чем приступить к службе, капитан окропил обоих властителей от головы до пят мускусной водой. Во

время мессы властители выступили вперед, чтобы приложиться к кресту, следуя нашему примеру, но не вознесли жертвы. Во время возношения даров они оставались коленопреклоненными и возносили моления со сложенными руками. Как только Тело Христово вознеслось, раздался артиллерийский залп по знаку, данному выстрелами из мушкетов теми, которые были на берегу. По окончании мессы некоторые наши причастились. Капитан-генерал устроил фехтовальный турнир, который сильно понравился властителям. Затем он распорядился принести крест и венец с гвоздями, перед каковым все упали на колени. Властителям он объяснил через толмача, что это знамя, доверенное ему императором, его сувереном, и что он обязан воздвигать его повсюду, в какое бы место он ни приезжал. Он намерен водрузить крест этот ради их же блага, потому что, какой бы корабль ни явился сюда в будущем, они по этому кресту убедятся, что мы уже были тут, и, следовательно, не предпримут ничего такого, что могло бы причинить им неприятность или нанести ущерб их имуществу. Если бы кто-нибудь из туземцев был ими задержан, то его освободят тут же, как только им будет показан этот крест. Крест же этот надлежит водрузить на вершине самой высокой горы так, чтобы, видя его каждое утро, они могли поклоняться ему; если они будут поступать таким образом, то ни гром, ни молния, ни буря ни в какой степени не повредят им. Властители сердечно поблагодарили его, заявив при этом, что они охотно сделают **[67]** все, чего он от них потребует. Капитан-генерал в свою очередь спросил их, какова их вера — «мавры» они или «язычники». В ответ они заявили, что они не поклоняются ничему, но что они воздевают сложенные руки, обращают лицо к небу и называют своего бога «абба». Капитан остался весьма доволен таким ответом, а первый властитель, заметив это, воздел руки к небу и заявил, что он желал бы чем только возможно показать, как он любит его. Толмач задал ему вопрос, почему тут так мало съестного.

Властитель ответил, что он бывает в этих местах только тогда, когда отправляется на охоту и на свидание со своим братом, а что живет он на другом острове, где пребывает также и его семья. Капитан-генерал попросил его сказать, нет ли у него врагов, дабы он вместе со своим флотом мог истребить их или привести в покорность. Раджа поблагодарил его за это и сообщил, что тут действительно находятся два острова, которые враждебно относятся к нему, но теперь не время идти на них войной. Капитан дал ему понять, что, если Господу будет угодно дозволить ему вновь вернуться в эти края, он приведет с собою столько людей, что сможет силой заставить врагов раджи повиноваться ему. Он сказал ему, что так как наступило время обеда, то он вернется на берег после обеда для водружения креста на вершине горы. Раджи выразили свое согласие, наши люди построились в батальон и дали залп из мушкетов, капитан обнял обоих раджей, И мы попрощались с ними.

Мы отправились после обеда, одетые в простые куртки, и вместе с обоими раджами поднялись после полудня на вершину самой высокой горы. Когда мы взошли на эту гору, капитан-генерал заявил, что он считает за высокую честь для себя труды, положенные им ради их же блага, ибо, раз крест будет находиться тут, он послужит им только на величайшую пользу. Он спросил их, в какой гавани легче всего будет найти съестные припасы, на что они ответили, что поблизости имеются три гавани: Сейлон, Субу и Калаган [59] и что Субу — самый крупный торговый порт. По собственному почину они предложили дать нам лоцманов для указания туда дороги. Капитан-генерал поблагодарил их и решил направиться туда, куда влекла его злосчастная судьба.

После того как крест был водружен на месте, каждый из нас повторил молитвы «Отче Наш» и «Ave Maria» и поклонился кресту; то же самое сделали раджи, после чего мы спустились вниз, миновали их возделанные поля и пришли в то место,

где находилась баланга. Раджа приказал принести туда несколько кокосовых орехов, чтобы мы могли подкрепиться. Капитан **[68]** попросил прислать к нему лоцманов, так как он собирался утром следующего дня отбыть, и заявил при этом, что будет обращаться с ними так, как если бы они были раджами, и что он согласен дать им одного из своих людей в качестве заложника. Раджи в ответ заявили, что лоцманы будут в его распоряжении, когда он только пожелает, но за ночь первый раджа изменил свое мнение и послал сказать капитан-генералу, что ему нужно собрать урожай риса и закончить кое-какие другие работы, а потому просил из любви к нему переждать два дня. Одновременно он попросил капитан-генерала прислать ему на помощь несколько человек для того, чтоб ускорить окончание работ, и заявил, что он самолично отправится в качестве лоцмана. Капитан послал ему несколько человек, но раджи пили и ели столько, что целый день спали. В оправдание некоторые сказали нам, что они слегка занедужили. Наши люди ничего не делали в этот день, но зато поработали следующие два дня.

Один из туземцев принес нам миску с рисом и восемь или десять бананов в виде связки в обмен на нож, которому красная цена была три кваттрино [60]. Капитан, видя, что туземец хлопочет только о ноже, позвал его, чтобы показать другие предметы. Он вынул из кошелька реал и собирался дать ему, но тот отказался. Он показал ему дукат, но он отказался и от дуката. Наконец капитан попытался предложить ему доппьоне [61] стоимостью в два дуката, но он решительно отказывался от всего, требуя только нож, и капитан поэтому дал ему нож. Когда один из наших людей сошел на берег, чтобы запастись водою, туземец предложил ему большой слиток золота размером в колону [62] в обмен на шесть стеклянных бус, но капитан запретил производить обмен, дабы туземцы с самого начала усвоили себе, что мы ценим наши товары гораздо выше золота.

Здешний народ — «язычники», ходят голые и раскрашенные. Срамную часть они прикрывают древесной тканью. Они большие пьяницы. Женщины носят покровы из древесной коры от пояса и ниже, волосы у них черные и ниспадают до земли. У них отверстия в ушах, заполненные золотом. Туземцы постоянно жуют плод, называемый ими «арека» и напоминающий грушу. Они разрезают этот плод на четыре части и заворачивают его в листья дерева, которое носит у них название «бетре» [63]. Листья эти похожи на листья тутового дерева. Они примешивают к нему немного глины и, прожевав, выплевывают его. От этого рот становится невероятно красным. Во всех **[69]** этих краях бетель употребляют все, так как он освежает сердце, и, откажись они от его употребления, они умерли бы.

Тут водятся собаки, кошки, свиньи, куры, козы, растет рис, имбирь, кокосовые орехи, фиги [бананы], апельсины, лимоны, просо, птичье просо, сорго, имеется воск и большое количество золота. Этот остров расположен на 9 2/3° в направлении Северного полюса и на 162° долготы от демаркационной линии. От Аквады он отстоит на расстоянии 25 лиг и называется Масава.

Мы пробыли тут семь дней, по истечении коих взяли курс на северо-запад, миновав пять островов, именно: Сейлон, Бохол, Каниган, Байбай и Гатиган [64]. На этом последнем острове Гатиган встречаются летучие мыши величиной с орла. Так как был уже конец дня, мы убили одну из них, вкусом напоминающую курицу. Тут водятся голуби, горлицы, попугаи и какой-то род черных птиц, равных своими размерами домашним курам, с длинным хвостом. Упомянутые птицы кладут яйца в песок, и птенцы вылупляются оттого, что песок этот очень горячий. Вылупившись, птенцы вылезают из-под песка и выходят на свет Божий. Эти яйца очень питательны.

От Масавы до Гатигана 200 лиг расстояния. Мы направились на запад от Гатигана, но так как властитель Масавы не имел возможности тут же последовать за нами, то мы в ожидании его задержались вблизи трех островов, именно: Поло, Тикобон и Посон [65]. Догнав нас, он выразил большое удивление по поводу быстроты нашего плавания. Капитан-генерал пригласил его на свой корабль вместе с некоторыми его начальниками, что доставило всем им большое удовольствие. Так мы шли от Субу до Гатигана, а расстояние между ними 15 лиг. В воскресенье 7 апреля, в полдень, мы вступили в гавань Субу, минуя множество поселений, и увидели большое число хижин, построенных на сваях. При приближении к городу капитан-генерал распорядился поднять все флаги. Паруса были спущены, как то бывает перед боем, и из всех пушек дан был залп, что навело большой страх на туземцев. Капитан отправил одного из своих питомцев в качестве посла вместе с толмачом к властителю Субу. Достигнув города, они увидели около властителя большую толпу народа, встревоженную нашими пушками. Толмач объяснил им, что таков наш обычай, когда мы вступаем в эти края, что это — знак мира и дружбы и что мы стреляли из пушек в честь властителя этого селения. Властитель и окружающие его успокоились, и через своего правителя властитель спросил, чего мы хотим. Толмач ответил, что его хозяин — капитан **[70]** на службе у величайшего из государей и владык в мире и что он направляется отыскивать Молукку, но сюда он прибыл только ради того, чтобы свидеться с властителем, так как слышал о нем много хорошего от властителя Масавы, а также для того, чтобы получить продовольствие в обмен на свои товары. В ответ властитель заявил, что он приветствует их приход, но у них обычай таков, что все вступающие в эти гавани суда обязаны платить дань и что только четыре дня назад такую дань уплатила прибывшая сюда джонка из Сиама с грузом золота и рабов. В доказательство своих слов

он указал толмачу на купца из Сиама, оставшегося здесь для торговли золотом и рабами. Толмач заявил ему, что, раз его хозяин является капитаном на службе у столь могущественного государя, он не платит дани ни одному властителю в мире и что, если властитель этот хочет мира, пускай будет мир, а если вместо этого он хочет войны, пускай будет война. Тогда купец-«мавр» сказал властителю: «Смотри в оба, государь. Эти люди — те же самые, что завоевали Каликут, Малакку и всю большую Индию. Если с ними будут обращаться хорошо, они будут также хорошо обращаться, а если с ними будут обращаться дурно, они будут обращаться еще хуже, подобно тому как они поступили в Малакке». Толмач понял эту речь и сказал, обращаясь к властителю, что государь его господина гораздо могущественнее и людьми и кораблями, чем король Португалии, что он — король Испании и император всех христиан и что если властитель не будет относиться к нему с дружелюбием, то в ближайшее же время он направит сюда такое число людей, что его владения будут разрушены. «Мавр» передал все эти слова властителю, который ответил, что посоветуется со своими и даст ответ капитану завтра. После этого он распорядился попотчевать нас разнообразной пищей из мяса, поданной на фарфоровых блюдах, а также вином, принесенным в кувшинах. Закусив, наши вернулись на корабль и передали все слышанное. Властитель Масавы, наиболее влиятельный после этого властителя и владетель многочисленных островов, направился на берег затем, чтобы рассказать властителю о большой учтивости нашего капитан-генерала.

В понедельник утром в Субу направились наш нотариус и толмач. Властитель явился на площадь в сопровождении своих начальников и предложил нашим сесть рядом с ним. Он спросил нотариуса, много ли капитанов в нашем экипаже и требует ли капитан, чтобы он платил дань императору, его

хозяину. Нотариус ответил, что этого не требуется и что капитан желает лишь одного: вести торговлю с ними, и ни **[71]** с кем другим. Властитель заявил, что удовлетворен этим ответом, и прибавил, что, если капитан желает стать его другом, пускай пришлет ему каплю крови из правой руки, и он сделает то же — в знак искреннейшей дружбы. Нотариус сказал, что капитан так и поступит. После этого властитель сообщил ему, что все приезжавшие сюда капитаны обычно давали ему подарки и он в свою очередь давал подарки им, и спросил, кто должен теперь начать первый: капитан или он. Толмач сказал, что, раз он желает поддерживать этот обычай, пусть он и начинает.

Во вторник утром властитель Масавы пришел на корабль в сопровождении «мавра». Он приветствовал капитана от имени властителя [Субу] и сообщил, что тот занят сбором продовольствия в таком количестве, в каком только его возможно собрать, чтобы дать ему, и что после обеда он пришлет сюда своих племянников и двух других из своих начальников на предмет заключения мира. Капитан-генерал велел одному из наших людей надеть свое вооружение и, показывая на него «мавру», объяснил, что все мы сражаемся подобным образом. «Мавр» был сильно напуган, но капитан успокоил его, заявив, что наше оружие мягко по отношению к друзьям, но жестко по отношению к нашим врагам и с той же легкостью, с какой отирают пот носовым платком, наше оружие низвергает и сокрушает всех наших противников, равно как и тех, кто враждебен нашей вере. Капитан поступил так с той целью, чтобы «мавр», казавшийся более смышленым, чем все прочие, мог передать это властителю.

После обеда племянник властителя, его наследник, пришел на корабль вместе с властителем Масавы, «мавром», правителем, начальником охраны и восемью другими начальниками для заключения с нами мира. Капитан-генерал принял их, сидя в кресле, обитом красным бархатом,

его главные помощники сидели на стульях, обитых кожей, а остальные расположились на циновках на полу. Через толмача капитан-генерал задал им вопрос, каков их обычай в этих случаях: вести переговоры втайне или публично, а также уполномочены ли наследник и властитель Масавы заключить мир. В ответ они заявили, что в обычае у них вести переговоры публично и что они имеют полномочие на заключение мира. Капитан-генерал много говорил о том, что касается до мира, и о том, что он молил Бога утвердить этот мир в небесах. Они заявили, что им никогда еще не приводилось слышать такие речи и что для них было удовольствием внимать ему. Убедившись в том, что они слушали и отвечали ему охотно, он начал **[72]** приводить доказательства в пользу обращения их в [христианскую] веру. На его вопрос, кто наследует владения после смерти властителя, он получил ответ, что у короля нет сыновей, а есть только дочери, старшая из которых — жена одного из его племянников, который потому и является наследником властителя. Когда у них отцы и матери становятся старыми, они уже больше не пользуются почетом, и власть переходит к их детям. На это капитан сказал им, что Господь Бог сотворил небо, землю, море и все остальное и завещал нам почитать наших отцов и матерей, тот же, кто поступает не так, осуждается на горение в вечном огне, что мы все происходим от Адама и Евы, наших праотцев, что дух наш бессмертен, и многое другое говорил он касательно веры. Выражая радость, они просили капитана оставить им двоих из наших людей или по меньшей мере одного, дабы он наставлял их в вере, обещая оказывать им большие почести. В ответ на это капитан заявил, что он не может оставлять им людей, но, если они желают стать христианами, наш священник совершит над ними обряд крещения, а он сам в скором времени привезет с собою священников и монахов для наставления их в нашей вере. Они сказали, что поговорят об этом сначала со своим властителем, а затем станут

христианами; слушая их, все мы прослезились от большой радости. Капитан-генерал объяснил им, что их должны подвигнуть на то, чтобы стать христианами, не страх перед нами или желание доставить нам приятное, а только их собственная свободная воля и что те, что желают продолжать жить согласно своему уставу, не должны опасаться каких-либо неприятностей, но все же с христианами будут обходиться и обращаться лучше, чем с остальными. Все вскричали в один голос, что не из страха или из желания сделать нам приятное, а только по собственной свободной воле они намерены стать христианами. Тогда капитан заявил им, что, когда они станут христианами, он оставит им одно полное вооружение, ибо так повелел ему государь. Он также сказал, что если мы будем вступать в общение с их женами, то совершим этим очень большой грех, так как они «язычницы». Он уверил их также в том, что, как только они станут христианами, дьявол перестанет являться им, разве только перед самой смертью. Они же сказали, что им невозможно надлежащим образом отвечать на прекрасные речи капитана, но они доверяют ему полностью, и он может относиться к ним, как к преданнейшим своим слугам. Со слезами на глазах капитан обнял их, и, взяв руку наследника и руку властителя в свои собственные, он заявил им, что обещает им вечный мир с королем Испании, в чем **[73]** заверяет их своей верой в Бога и своего суверена, императора, а также принадлежностью своей к ордену. Они в свою очередь дали подобный же обет. После заключения мира капитан велел попотчевать их, а затем наследник и властитель [Масавы] передали капитану от имени властителя несколько корзин с рисом, свиней, коз и кур, прося простить им ничтожность даров для столь достойного мужа. Капитан подарил наследнику белое платье из тончайшего полотна, красный головной убор, несколько стеклянных бус и позолоченную чашку. В этих краях такие чашки ценятся очень высоко. Властителю Масавы он не дал ничего, так как

уже подарил ему раньше платье из камбайской материи, не говоря уже о других вещах. Каждому из остальных он давал то одну вещь, то другую. Властителю Субу он отослал через меня и другого из наших людей шелковое платье желтого и фиолетового цвета, сшитое на турецкий фасон, красивый красный головной убор, несколько стеклянных бус — все это было положено на серебряное блюдо, а также две позолоченные чашки для питья, которые мы несли в руках. Прибыв в город, мы нашли властителя во дворце, окруженного большим числом людей. Он сидел на полу на пальмовой циновке, только срамная часть у него была прикрыта куском хлопчатобумажной материи, голова была окутана вышитым от руки шарфом, на шее висело ожерелье большой ценности, а в ушах две большие золотые серьги, осыпанные драгоценными камнями. Он был небольшого роста, тучен и разрисован разными изображениями, выжженными огнем. На другой циновке стояли два фарфоровых блюда с яйцами черепахи, которые он ел, тут же находились четыре кувшина, полных вина, прикрытых приятно пахнувшими травами, и из каждого кувшина торчало по тростнику, при помощи которого он пил. Отвесив ему положенным образом no клон, толмач сообщил ему, что хозяин горячо благодарит его за подарок и что подарок, который он ему посылает, не есть вознаграждение за присланное, а выражение подлинной любви, которую он испытывает к нему. Мы накинули на него платье, возложили на его голову убор и отдали ему все остальные вещи, затем, поцеловав бусы и возложив их ему на голову, я их преподнес ему. Принимая их, он их также поцеловал. Затем властитель предложил нам угоститься яйцами и выпить вина через гибкие тростниковые трубки. В это время его посланцы передали ему слова капитана касательно мира и как он их увещевал принять христианство. Властитель выразил желание, чтобы мы остались до ужина, но мы ответили, что не можем. После того как мы с ним распрощались, наследник

[74] повел нас к себе в дом, где четыре молодые девушки играли, одна на барабане, похожем на наши, но стоящем на земле, другая ударяла палкой с толстой обмоткой на конце из пальмовой ткани по двум подвешенным литаврам, а третья ударяла одним небольшим литавром о другой, и они издавали при этом приятный звук. Они играли так согласованно, что можно было бы подумать, что они обладают хорошим музыкальным чувством. Эти девушки были очень красивы, белокожи, как и наши, и такого же роста. Они были нагие, только древесная кора покрывала их от пояса до колен. Некоторые были совсем обнажены, в ушах у них были большие отверстия, куда вставлены маленькие куски дерева, делавшие отверстия большими и круглыми. У них длинные черные волосы, на голове лежал кусок материи, они были на босу ногу. Наследник приказал трем совершенно обнаженным девушкам поплясать перед нами. Мы закусили, после чего отправились на корабль.

Их литавры сделаны из металла, изготовляют их в этих краях в окрестностях Большого Залива. Они в таком же ходу в этих краях, как у нас колокола, и называются «агон».

В среду утром я и толмач явились к властителю с просьбой указать нам место, где мы могли бы похоронить одного из наших, умершего истекшей ночью. Властитель находился в окружении большого числа людей. Отвесив надлежащие поклоны, я обратился к нему с этой просьбой. Он ответил на это: «Если я и любой из подданных моих находимся в распоряжении вашего государя, то тем более ему принадлежит вся эта земля». Я сказал ему, что мы должны освятить это место и водрузить там крест. Он ответил, что это доставит ему полное удовольствие и что он желал бы поклоняться кресту так же, как это делаем мы. Покойник был похоронен на площади с всевозможной торжественностью, дабы подать этим хороший пример. Затем мы освятили место. Вечером мы похоронили еще одного из наших. Мы

свезли на берег большое количество товаров и сложили их в одном из домов. Властитель взял на себя его охрану. Он также отрядил четырех человек для оптовой меновой торговли. Люди эти живут в согласии с правосудием. У них имеются весы и меры. Они предпочитают мир, довольство, покой. У них деревянные весы, поддерживаемые веревкой, прикрепленной к середине перекладины. На одном конце висит кусок свинца, а на другом имеются обозначения: четверти фунта, полуфунта, фунта. Для взвешивания они кладут весы с тремя веревочками, как наши, над обозначениями, и таким образом получается правильный вес. У них имеются очень большие бездонные меры емкости. **[75]**

Молодежь играет на дудках — таких же, как наши, называемых ими «субин».

Дома их построены из дерева и составлены из досок и бамбука, возвышаясь над землей на больших бревнах, и взбираться туда приходится по лестнице. Комнаты у них такие же, как и у нас. Под домом они держат своих свиней, коз и птицу.

Тут водятся морские улитки, красивые на вид, которые убивают китов. Последние глотают их живыми, и, когда они уже находятся внутри кита, они вылезают из своей раковины и пожирают его сердце. Туземцы находят их после этого живыми возле мертвого сердца кита. У этих тварей черные зубы и кожа и белого цвета раковина, мясо их приятно на вкус. Их называют здесь «лаган» [66].

В пятницу мы показали им нашу лавку, полную товаров, что привело их в крайнее изумление. Они давали нам золото в обмен на чугун и прочий крупный товар. За другие товары они давали нам рис, свиней, коз и прочие предметы продовольствия. За 14 фунтов железа они давали нам десять

слитков золота, причем каждый слиток был ценой в 1 1/2 дуката. Капитан-генерал отказывался от большого количества золота, так как среди нас находились такие, которые готовы были отдать все, что у них было, за небольшое количество золота и тем самым могли бы погубить навсегда нашу торговлю [67].

В четверг во исполнение обещания, данного капитаном властителю, обратить его в христианство воздвигли возвышение на площади, которую освятили заранее и по случаю крещения украсили занавесами и пальмовыми ветвями. Капитан-генерал послал предупредить его, чтобы он не испугался, если в это утро будут даны выстрелы из пушек, так как у нас в обычае делать залпы из орудий, не заряжая их камнями, в дни самых торжественных наших праздников.

В воскресенье 14 апреля, утром, сорок наших людей сошли на берег. Двое из них были в полном вооружении и шли впереди королевского знамени. Как только мы ступили на сушу, раздались выстрелы из всех пушек. Туземцы ходили за нами повсюду. Капитан и властитель обнялись. Капитан сказал властителю, что королевское знамя обычно выносится на берег не иначе как в сопровождении 50 человек, вооруженных так же точно, как эти двое, да еще 50 мушкетеров, но его любовь к властителю столь велика, что он решил вынести знамя на берег таким образом, как он поступил теперь. После этого все мы с весельем подошли к возвышению. Капитан и властитель уселись в креслах, покрытых красным и фиолетовым бархатом, начальники — на подушках, а все остальные **[76]** — на циновках. Капитан передал через толмача, что он возносит благодарность Богу за то, что Он внушил властителю мысль стать христианином, — с этого дня ему будет гораздо легче одолевать своих врагов. В ответ на это властитель сказал, что он желает стать христианином, но что некоторые из его начальников не желают ему повиноваться. «Мы-де, — говорят они, — такие

же хорошие люди, как и он». Тогда капитан позвал начальников властителя и заявил им, что, если они не будут оказывать повиновение своему властителю, как своему государю, он велит всех их убить, а владения их отдать властителю. Они ответили, что будут впредь ему подчиняться. Капитан объявил властителю, что намерен отправиться в Испанию, но собирается в скором времени вернуться с такими значительными силами, с помощью которых он сделает его величайшим властелином этих областей, потому что он первый принял решение стать христианином. Воздев руки к небу, властитель поблагодарил капитана и попросил его оставить здесь кого-нибудь из своих людей, дабы он и его народ были лучше наставлены в вере. Капитан ответил, что удовлетворит его просьбу и оставит двух человек, но что ему хотелось бы взять с собою двух детей начальников для того, чтобы они научились нашему языку и по возвращении сумели рассказать обо всем, что видели в Испании.

В самом центре площади был водружен большой крест. Капитан заявил всем, что, если они действительно хотят стать христианами, как они обещали в предыдущие дни, они должны сжечь всех своих идолов и водрузить на их место крест. Каждый день должны они поклоняться кресту со сложенными руками, и каждое утро, по обычаю их [испанцев], они должны сотворять крестное знамение — при этом капитан показал, как это надо делать, — и ежечасно, по крайней мере по утрам, подходить к кресту и класть поклоны. Уже изъявленное ими намерение они обязаны подтвердить добрыми делами. Властитель и все другие выразили желание подтвердить это полностью. Капитан-генерал объяснил властителю, что белая одежда, которая на нем теперь, свидетельствует о его искренней любви к ним. Они сказали, что у них нет слов для ответа на такие сладкие речи. Говоря им все это, капитан повел властителя за руку к возвышению

для совершения обряда крещения. Он сказал властителю, что отныне имя его будет дон Карл, по имени императора, его суверена, наследник будет именоваться дон Фернандо, по имени брата императора, властитель Масавы — Хуаном, начальник — Фернандо, по имени нашего же начальника, то есть капитана, «мавр» — Христофором. Так он [77] дал новые имена всем, кому одно, кому другое. До мессы было крещено пятьсот человек. После того как месса была отслужена, он пригласил властителя и некоторых его начальников на обед, но они отказались и только проводили нас до берега. На кораблях дали выстрелы из орудий. Обняв друг друга, властитель, начальники и капитан расстались.

После обеда священник и некоторые другие высадились на берег для крещения жены властителя, которая пришла в сопровождении сорока женщин. Мы повели ее на возвышение и усадили на подушку, остальные женщины уселись около нее, пока священник готовился к обряду. Ей показали образ Нашей Владычицы, очень красивую деревянную статуэтку младенца Иисуса и крест. Все это повергло ее в большую печаль, и она со слезами на глазах просила, чтобы ее окрестили. Мы дали ей имя Хуаны, по имени матери императора, дочь ее, жену наследника, мы назвали Екатериной, жену властителя Масавы — Елисаветой, дали мы по имени также женщинам из ее свиты. Мы окрестили восемьсот душ мужчин, женщин и детей. Жена властителя была молодая и красивая, одета была она вся в белое с черным. Ее рот и ногти были ярко-красного цвета, на голове у нее была широкая шляпа из пальмовых листьев вроде зонтика, поверх которой возвышался венец из тех же листьев наподобие папской тиары. Без нее она не появляется нигде. Она попросила нас отдать ей младенца Иисуса, чтобы заменить им своих идолов, после чего удалилась.

Под вечер к берегу пришли властитель с женою в сопровождении большого числа лиц. По этому случаю

капитан распорядился выпустить много огневых петард и стрелять из больших орудий, что доставило им большое удовольствие. Капитан и властитель называли друг друга братьями. Имя властителя было раджа Гумабон.

До конца недели были крещены все жители этого острова и некоторые с других островов. Одну хижину на соседнем острове мы сожгли по той причине, что жители отказали в повиновении радже или нам. Мы воздвигли там крест, так как население этого острова состояло из «язычников». Будь они «мавры», мы воздвигли бы на этом месте колонну как знак величайшей твердости, ибо в деле обращения в христианство «мавры» гораздо более жестки, чем «язычники».

Капитан-генерал в эти дни ежедневно высаживался на берег слушать мессу и в это время рассказывал радже многое, касающееся веры. Однажды жена властителя весьма торжественно явилась к мессе. Впереди нее шли три девушки с тремя ее шляпами в руках. Одета она была в белое с черным, широкий **[78]** шелковый шарф с поперечными золотыми полосками был наброшен на голову и покрывал ее плечи. Она была в шляпе. Ее сопровождало большое число женщин, все нагие и босые, только срамные части прикрыты у них были куском ткани из пальмового дерева и на голову наброшен маленький шарф, волосы у них были распущены. Жена властителя, отвесив надлежащий поклон перед алтарем, уселась на шелковую вышитую подушку. До начала мессы капитан окропил ее и некоторых ее женщин розовой мускусной водой, так как аромат этот сильно нравился им. Зная, что жене властителя очень понравилась статуэтка младенца Иисуса, он дал ее ей, сказав при этом, что ее нужно поместить вместо идолов, потому что это память о Сыне Божием. Она приняла статуэтку, поблагодарив его от всего сердца.

Однажды перед мессой капитан-генерал предложил властителю надеть белую шелковую одежду; то же предложил он и городской знати, отцу наследника по имени Бендара и его брату, другому его брату, по имени Кадайо, некоторым другим [приближенным], их имена: Симиут, Мибуайя, Магалибе, и многим другим, имен которых я не буду приводить, дабы не быть докучным. Капитан велел им всем поклясться в верности своему властителю, в знак чего они облобызали руку последнего. После этого он предложил властителю объявить, что он будет всегда соблюдать покорность и верность государю Испании, в чем тот дал клятву. При этом капитан обнажил свой меч перед образом Нашей Владычицы и сказал, обращаясь к властителю, что, кто бы ни давал клятву, он должен предпочесть смерть нарушению таковой клятвы, если он дает ее перед этим образом, и ценою собственной жизни и одежды на нем [68] оставаться вечно верным ему. После этого капитан подарил властителю кресло, обитое красным бархатом, и объяснил, что, куда бы он ни направлялся, он должен брать его с собою, а носить его должен кто-нибудь из ближайшей его родни; он при этом показал, как следует носить это кресло. Властитель заявил, что все это он будет исполнять с охотою из любви к нему, и прибавил, что приказал изготовить для него драгоценности, именно — две большие золотые серьги для ушей, два браслета для рук и два других кольца на ноги выше колен помимо драгоценных камней для украшения его ушей. Это самые красивые украшения, которые допускаются к ношению властителями в этих краях. Они обычно ходят босиком и носят кусок материи, спускающейся от пояса до колен.

Однажды капитан-генерал спросил властителя и других, по какой причине они не сожгли своих идолов в согласии с **[79]** данным им, когда они были обращены в христианство, обещанием, а также почему они приносят в жертву так много

мяса. Они ответили ему, что поступают так не ради самих себя, а ради одного больного, который вот уже четыре дня как лишился голоса и которому идолы могли бы вернуть здоровье. Это был брат властителя, самый доблестный и мудрый муж на острове. Капитан предложил им сжечь идолов и довериться Христу; он сказал, что если бы этот больной был крещен, то он выздоровел бы очень скоро; он дает свою голову на отсечение, если это не произойдет именно так, как он говорит. На это властитель ответил, что он так и поступит из истинной веры в Христа. В торжественной процессии мы направились от площади к дому больного. Мы его нашли там в таком состоянии, что ни говорить, ни двигаться он не мог. Мы окрестили его, двух его жен и десять девушек. После этого капитан спросил, как он чувствует себя. Тот сразу же заговорил и сказал, что с Божией благодатью он вполне оправился. Это было чудо самое явное, случившееся в наши дни. Капитан, услышав его речь, вознес горячую благодарность Богу. Он дал больному миндального молока, которое было уже заготовлено по его распоряжению. Потом он послал ему матрац, две простыни, одеяло из желтой материи и подушку. Пока тот выздоравливал, капитан присылал ему миндальное молоко, розовую воду, розовое масло и сладкие варенья. Не прошло и пяти дней, как больной начал ходить. Капитан велел сжечь в присутствии властителя и всего населения идола, которого несколько старух спрятали в доме больного. Он велел также разрушить множество алтарей на берегу, на которых съедалось жертвенное мясо. При этом народ кричал: «Кастилия! Кастилия!» — и сам принимал участие в разрушении этих алтарей. Если Бог продлит им жизнь, они сожгут всех идолов, которых найдут, даже если бы они находились в доме у самого властителя.

Эти идолы сделаны из дерева, они полые внутри, а сзади открыты. Руки у них распростерты, ступни загнуты под телом

и широко расставлены. У них широкое лицо и четыре очень крупных зуба, похожие на клыки дикого кабана. Они разрисованы сверху донизу.

На этом острове много селений. Вот их названия, а также имена начальников этих селений: Сингапола, начальники — Силатон, Сигабукан, Симанинга, Симатихат и Сиканбул; Мандауй, начальник — Апаноаан; Лалан, начальник — Тетеу; Лалутан, начальник — Тапан; Силумай; Лубукун. Все эти селения изъявили нам покорность, предоставили продовольствие и уплатили дань. **[80]**

Поблизости от острова Субу находится остров, называемый Мактан, и там и была та гавань, в которой мы бросили якорь. Поселение на нем носит название Мактан, а его начальниками были Зула и Силапулапи. На этом же острове находился и город, который мы сожгли и который назывался Булайя.

Дабы Ваше сиятельство имело представление о церемониях, с которыми у этого народа приносят в жертву свинью (я Вам их опишу). Они начинаются ударами в большие литавры. После этого приносят три больших блюда, на двух — розы и пироги с рисом и просом, завернутые в листья, и жареная рыба; на третьем — кусок камбайской материи и два флажка из пальмовой ткани. Кусок камбайской материи разостлан на земле. Затем приходят две престарелые женщины, у каждой из которых в руке бамбуковая труба. Как только они вступают на материю, они отвешивают поклон солнцу. После этого они укутываются материей (лежащей на блюде). Одна из них обвязывает голову платком так, чтобы торчали два конца, как рога, другой платок берет в руку и, танцуя и трубя, испускает возгласы, обращаясь к солнцу. Другая с одним из флажков танцует и трубит. Так они танцуют и взывают к солнцу короткое время, произнося какие-то слова, обращенные к солнцу. Та, что с платком, берет потом другой флажок, роняет

платок на землю, и обе, продолжая трубить, танцуют вокруг связанной свиньи. Та, что с рогами, говорит шепотом, обращаясь к солнцу, другая отвечает ей. Той, что с рогами, подают бокал вина, и она, танцуя и повторяя какие-то слова, в то время как другая ей отвечает, и делая четыре или пять раз такие движения, будто собирается пить вино, изливает его на сердце свиньи. После этого она снова пускается в пляс. В это время ей подают копье. Размахивая им и повторяя какие-то слова и все продолжая танцевать и делая четыре или пять раз такие движения, точно собирается пронзить копьем сердце свиньи, она внезапным и резким ударом пронизывает его насквозь. Рану тут же быстро закрывают травами. Та, что убила свинью, берет факел, который горит во время обряда, подносит его ко рту и тушит. Другая, погрузив конец своей трубы в кровь свиньи, обходит присутствующих и касается пальцами, смоченными в крови, прежде всего лба своих мужей, а затем и всех остальных; к нам она не подходила ни разу. После этого они раздеваются и принимаются за пищу на блюдах, приглашая разделить трапезу одних только женщин. Свинью палят на огне. Таким образом, только старые женщины освящают мясо свиньи, и мясо это едят только после того, как свинья убита с соблюдением этого обряда. Когда кто-нибудь из нас сходил на берег, **[81]** будь то днем или ночью, каждый туземец приглашал его к себе поесть и выпить. Мясо они не доваривают до конца и сильно солят его. Пьют часто и обильно через тростниковые трубочки, вставленные в кувшины, и за одной из трапез проводят по пять-шесть часов.

Когда кто-нибудь из начальников умирает, они совершают следующий обряд. К дому умершего направляются прежде всего все знатные женщины селения. Покойника помещают в ящике посреди дома. Вокруг ящика протянуты веревки в виде ограды, и к ним прикреплено множество ветвей. На каждой ветке висит кусок хлопчатобумажной ткани, так что

образуется нечто вроде балдахина с занавесами. Под этими занавесами усаживаются наиболее именитые женщины, все в белых одеждах из хлопчатобумажной ткани, и около каждой стоит девушка с опахалом из пальмового листа. Другие женщины с печальным видом сидят вокруг комнаты. Одна из женщин начинает медленно срезать ножом у покойника волосы. Другая женщина, его главная жена, ложится на него, прильнув ртом, руками и ногами ко рту, рукам и ногам покойника. В то время как первая срезает волосы, вторая плачет, когда же первая кончает, вторая затягивает песню. В комнате множество фарфоровых сосудов с огнем, в который бросают мирру, росный ладан, отчего по комнате распространяется сильный аромат. Церемония длится пять-шесть дней, и все это время труп остается в доме. По-видимому, труп набальзамирован камфарою. Его хоронят в том же ящике, который прибивают деревянными гвоздями к бревну и бревнами же закрывают.

Ежедневно около полуночи над городом появляется черная-черная птица величиною с ворону, которая начинает кричать, как только приближается к жилищам. Тогда все собаки поднимают лай, и этот крик и лай не прекращаются в течение четырех-пяти часов. Туземцы никак не могли объяснить нам причину этого.

В пятницу 26 апреля Зула, начальник острова Мактан, прислал к капитан-генералу одного из своих сыновей с козами. Он сообщил, что мог бы послать ему все, что было ему ранее обещано, но он не мог этого сделать по той причине, что другой начальник, Силапулапи, отказался подчиниться королю Испании. Он просил капитана снарядить одну шлюпку со своими людьми и отправить их той же ночью, чтобы помочь ему сражаться с этим начальником. Капитан-генерал решил отправиться сам с тремя шлюпками. Мы настойчиво просили его не ездить туда, однако он, как добрый пастырь, отказывался покинуть свое

стадо. В полночь шестьдесят человек **[82]** в нагрудниках и касках вместе с властителем» христианином, наследником и некоторыми именитыми туземцами двинулись в путь на двадцати или тридцати балангах. Мы добрались до Мактана за три часа до рассвета. Капитан не хотел начинать битву в это время ночи и отправил в качестве посла к туземцам «мавра», поручив ему передать им, что если они будут оказывать повиновение королю Испании и признают христианского государя как своего суверена и уплатят нам дань, то он станет их другом, если же они желают другого, то пускай убедятся в том, какие раны наносят наши копья. Они сказали в ответ, что если у него имеются копья, то копья имеются и у них, хотя и из бамбука, а также колья, закаленные на огне. Они просили нас не начинать наступления теперь, а дождаться утра, чтобы они могли набрать побольше людей. Эта просьба объяснялась намерением побудить нас направиться на их поиски, они же выкопали меж домов ямы, в которые мы должны были попадать. Как только наступило утро, сорок девять человек наших бросились в воду, которая доходила им до бедер. Пришлось проплыть расстояние свыше двух выстрелов из самострела, прежде чем добраться до берега. Из-за подводных скал лодки не могли подойти к берегу ближе. Когда мы добрались до берега, туземцы числом свыше 1500 человек выстроились в три отряда. Увидев нас, они кинулись на нас с невероятными криками, два отряда обрушились на наши фланги, а один — с фронта. Тогда капитан построил нас в два отряда, и началось сражение. Мушкетеры и лучники стреляли издали около получаса, однако без всякой пользы, так как пули и стрелы пробивали только их щиты, сделанные из тонких деревянных дощечек, и руки. Капитан кричал: «Прекратите стрельбу! Прекратите стрельбу!» — но никто не обращал внимания на его крики. Когда туземцы убедились в том, что наша стрельба не достигает цели, они начали кричать, что будут стойко держаться, и возобновили крик с

еще большей силой. Во время нашей стрельбы туземцы не оставались на одном месте, а бегали то туда, то сюда, прикрываясь щитами. Они осыпали нас таким количеством стрел и бросали такое множество копий в сторону капитана (некоторые копья были с железными наконечниками), да еще закаленные на огне колья, да камни и землю, что мы едва были в состоянии защищаться. Видя это, капитан отрядил несколько человек с приказом сжечь их дома, дабы подействовать на них страхом. Вид сжигаемых домов привел их в еще большую ярость. Двое из наших были убиты у домов, мы же сожгли от двадцати до тридцати домов. На нас накинулось такое множество туземцев, что им удалось ранить капитана **[83]** в ногу отравленной стрелой. Вследствие этого он дал приказ медленно отступать, но наши, за исключением шести или восьми человек, оставшихся при капитане, немедленно обратились в бегство. Туземцы стреляли нам только в ноги, потому что мы не были обуты. И так велико было число копий и камней, которые они метали в нас, что мы не в состоянии были оказывать сопротивление. Пушки с наших судов не могли оказывать нам помощи, так как они находились слишком далеко. Мы продолжали отступать и, находясь на расстоянии выстрела от берега, продолжали сражаться, стоя по колено в воде. Туземцы продолжали преследование, и, поднимая с земли по четыре — шесть раз одно и то же копье, метали их в нас вновь и вновь. Узнав капитана, на него накинулось такое множество людей, что дважды с его головы сбили каску, но все же он продолжал стойко держаться, как и подобает славному рыцарю, вместе с другими, рядом с ним стоящими. Так мы бились больше часа, отказываясь отступать дальше. Один индеец метнул бамбуковое копье прямо в лицо капитана, но последний тут же убил его своим копьем, застрявшим в теле индейца. Затем, пытаясь вытащить меч, он обнажил его только до половины, так как был ранен в руку бамбуковым копьем. При виде этого на него накинулись все туземцы. Один из них ранил его в

левую ногу большим тесаком, похожим на турецкий палаш, но еще более широким. Капитан упал лицом вниз, и тут же его закидали железными и бамбуковыми копьями и начали наносить удары тесаками до тех пор, пока не погубили наше зерцало, наш свет, нашу отраду и нашего истинного вождя. Он все время оборачивался назад, чтобы посмотреть, успели ли мы все погрузиться на лодки. Полагая, что он умер, мы, раненые, отступили, как только было возможно, к лодкам, которые сразу же двинулись в путь. Властитель-христианин хотел оказать нам помощь, но перед тем, как мы отправились на берег, капитан настоял на том, чтобы он не покидал своей баланги, а оставался на ней и наблюдал, как мы будем сражаться. Узнав, что капитан убит, он залился слезами. Если бы не капитан, то ни один из наших не спасся бы на лодках, так как, пока он бился, другие успели отступить к лодкам. Возлагаю упование на Ваше сиятельство, что слава о столь благородном капитане не изгладится из памяти в наши дни. В числе других добродетелей он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не обладал. Он переносил голод лучше, чем все другие, безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для **[84]** всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти и совершил.

Комментарии

1 Филипп де Вилье Лиль Адан (1464-1534), сорок третий великий магистр ордена иоаннитов (после 1530 г. переименован в мальтийский орден).

2 Испанский король Карл V (I) был избран императором Священной Римской империи только в июне 1519 г.

3 Франческо Кьерикати состоял на дипломатической службе у папы. В 1518 г. он был направлен с частным поручением папы в связи с замышлявшимся новым «крестовым походом» против турок, вторгнувшихся в это время в Египет. В его доме в Барселоне собирались испанские гуманисты.

4 В июле 1518 г. Магеллан был награжден Карлом V крестом рыцарского ордена Сантьяго.

5 Климент VII вступил на папский престол 19 октября 1523 г.

6 Эти канаты изготовлялись из испанской пеньки (esparto).

7 Груз состоял из вина, оливкового масла, уксуса, рыбы, свинины, фасоли и бобов, муки, сыра, меда, миндаля, анчоусов, винограда, чернослива, фиников, сахара, айвового варенья, каперсов, горчицы, говядины и риса.

8 Флот Магеллана состоял из пяти кораблей: «Тринидад» (Троица), водоизмещением 110 тонн, «Сан-Антонио» (Св. Антоний), водоизмещением 120 тонн, «Консепсьон» (Зачатие), водоизмещением 90 тонн, «Виктория» (Победа), водоизмещением 85 тонн, и «Сантьяго» (Св. Иаков), водоизмещением 75 тонн.

С точностью установить количественный состав всего отправившегося с Магелланом экипажа почти невозможно. Королевским указом от 5 мая 1519 г. максимальная численность экипажа была определена в 235 человек. Помимо 239 человек, числившихся в списках по каждому из кораблей, насчитывалось еще 26 человек, имена которых не были разнесены по корабельным спискам. Таким образом, всего по флотилии было 265 человек.

Ниже помещаем список капитанов и офицеров флота, поскольку многие из них упоминаются в записях Пигафетты:

«ТРИНИДАД»

1) Главный капитан флота Фернан ди Магальяншь (Магеллан), португалец.
2) Кормчий его высочества (т. е. назначенный личным приказом короля) Иштеван Гомиш, португалец.
3) Нотариус Леон де Эсплета.
4) Штурман Хуан Баутиста де Пунсороль.
5) Альгуасил Гонсало Гомес де Эспиноса.
6) Помощник штурмана Франсиско Альбо.
7) Врач Хуан де Моралес.

На флагманском корабле в числе «сверхштатных» или резерва (sobresalientes) находились также Антонио Ломбарде, который, как полагают, и есть Антонио Пигафетта (родом из Ломбардии), Дуарте Барбоза и Альваро де Мескита.

«САН-АНТОНИО»

1) Капитан и инспектор флота Хуан де Картахена.
2) Счетовод Антонио де Кока.
3) Нотариус Херонимо Герра.
4) Кормчий его высочества Андрее де Сан Мартин.
5) Кормчий его высочества Хуан Родригес де Мафра.
6) Штурман Хуан де Алоррьяга.
7) Боцман Диего Эрнандес.

«КОНСЕПСЬОН»

1) Капитан Гаспар де Кесада.
2) Нотариус Санчо де Эредья
3) Кормчий его высочества Жуан Лопиш Карвалью.
4) Штурман Хуан-Себастьян де Элькано (Эль-Кано).
5) Боцман Жуан ди Акуриу.

«ВИКТОРИЯ»

1) Капитан корабля и казначей флота Луис де Мендоса.
2) Кормчий его высочества Вашку Галлегу.
3) Нотариус Мартин Мендес.
4) Штурман Антон Соломон, сицилиец.
5) Боцман Мигель де Родас.
6) Альгуасил Дьего де Перальта.

«САНТЬЯГО»

1) Капитан и кормчий его высочества Жуан Серран.
2) Нотариус Антонио де Коста.
3) Штурман Бальтасар Генуэзец.
4) Боцман Бартоломе Приор.

В состав экипажей входили: 1) командиры, 2) коронные должностные лица и священники, 3) младшие командиры, к числу которых относились корабельные плотники, боцманы, конопатчики, бондари и бомбардиры, 4) матросы marineros-матросы первой статьи и grametes-палубные матросы и юнги, 5) сверхштатные-sobresalientes-люди, не имевшие определенных обязанностей на кораблях, и солдаты (к числу запасных относится и Антонио Пигафетта), 6) слуги командиров и должностных лиц.

По своему национальному составу экипаж был весьма пестрым. В его составе находилось: 37 португальцев, 30 или больше итальянцев, 19 французов, не считая испанцев, фламандцев, немцев, сицилийцев, англичан, малайцев, негров, мавров, уроженцев Мадейры, Азорских и Канарских островов.

9 Испанцы и португальцы называли всех мусульман маврами.

10 Ныне Санлукар-де-Баррамеда.

11 Лига-испанская мера длины, равная примерно 6 км.

12 Эта легенда основана на рассказе Плиния. В ее основе лежит тот факт, что растущие на Мадейре и Канарских островах лавр и другие многолистные вечнозеленые деревья и кустарники собирают в листьях влагу из туманов в продолжение дня.

13 По мнению древних, в жарком поясе не бывает вовсе дождей, вследствие чего они считали его необитаемым.

14 Огни св. Эльма (св. Петра, св. Николая, св. Клары и т. п.)- народное название атмосферного электричества, скапливающегося в форме звезды или кисти на вершинах мачт и на снастях. Они иногда сопровождаются свистом и считаются моряками хорошим знамением. Явление это когда-то носило название «святого тела» (Corpus Sanctum).

15 Птица носит у моряков название «боцман» или «охотник за пометом». Название принималось одно время даже учеными и основано на предположении, что эта птица будто бы питается пометом чаек или морских ласточек. В действительности же она заставляет преследуемых ею птиц извергнуть проглоченную ими рыбу.

16 Бразилия.

17 Альбо в своем шканцевом журнале отмечает, что это были ламы, похожие на безгорбого верблюда.

18 Альбо отмечает, что флот шел вдоль побережья от 29 ноября вплоть до вступления в бухту Санта-Люсия (13 декабря). Берег он описывает так: «Тут горы с острыми вершинами и много рифов вокруг. В указанной стране Верзин находится много рек и гаваней, а на расстоянии 6 лиг южнее-много бухт, врезывающихся в сушу на пространстве 2 лиг. Берег тянется на северо-восток и юго-запад до мыса Фрио, и тут встречается много островов и рек... Внутри эта бухта очень широкая с большим числом гаваней... Она носит

название бухты Сайта-Люсия... Мы вступили в эту бухту как раз в день св. Люсии и стояли там до дня св. Иоанна, т. е. до 27 декабря. В этот день мы отплыли и взяли курс на запад-юго-запад и встретили множество островов. На востоке от них находится бухта, названная бухтой Королей, с очень удобным входом».

Бригу передает в своем послании португальскому королю: «Отплыв оттуда [из Тенерифе], первое, что они увидели, был мыс Амбасских мелей. Они спустились вниз по побережью до реки Жанейру, где простояли 15-16 дней».

19 Описанные Пигафеттой индейцы, вероятно, из племени тупи.

20 Каваджо-это Жуан Карвалью.

21 Пигафетта говорит о хлебе, изготовляемом из корней кассавы, или маниоки.

22 Это свинья, щетина которой похожа на щетину дикобраза и обычно беловатого цвета. Она бесхвоста, свирепа и не поддается приручению.

23 Розовая колпица.

24 Залив Ла-Плата. Магеллан покинул Рио-де-Жанейро 26 декабря и двинулся дальше к мысу Санта-Мария, к реке, которая получила название реки Св. Христофора. Альбо также упоминает реку, которую называет рекою Солиса. Отправленные по реке суда для нахождения пролива пробыли в пути два дня, в продолжение которых тщательно обследовали устье реки. Бриту в своем донесении пишет: «Они покинули это место [Рио-де-Жанейро] и двинулись вдоль побережья, пока не достигли реки Солис, где Фернан Магальянш думал найти пролив. Они пробыли там сорок дней. Магальянш распорядился, чтобы корабль «Сантьяго»

прошел около 50 лиг в поисках какого-нибудь прохода. Не найдя его, он пересек реку, имеющую в ширину 25 лиг, и убедился в том, что [противоположный] берег тянется на северо-восток и юго-запад».

25 Хуан Диас де Солис (1470-1516)- известный испанский мореплаватель. После смерти Америго Веспуччи в 1512 г. получил звание главного кормчего Испании. В октябре 1515 г. стал во главе экспедиции, отправленной для поисков юго-западного прохода в Индию. Он открыл залив Ла-Плата, устья рек Парана и Уругвай. Он и несколько его спутников были убиты в августе-сентябре 1516 г.

26 Бухта Сан-Хулиан. «Этот порт,-записывает Альбо,-лежит на широте 49 2/3 °. Мы конопатили корабли в этом порту».

27 Гуанако-парнокопытное животное рода лам.

28 Отсюда и название «патагонцев», т. е. «людей с огромными ногами», данное им Магелланом по причине неуклюжего вида их ног, обернутых в солому для защиты от холода.

29 Как известно, Калибан в «Буре» Шекспира также взывает к Сетебосу, что свидетельствует о знакомстве Шекспира с работами, в которых описывались патагонцы.

30 Подобный способ ношения волос практиковался у племени тупи.

31 Наваррете, на основании ряда современных документов, приводимых им в своем «Сборнике», рисует следующую картину мятежа:

«31 марта, в канун Вербного воскресенья, Магеллан вступил в порт Сан-Хулиан, в котором намеревался перезимовать, в связи с чем распорядился о сокращении рационов. По этой

причине, а также потому, что стояли холода и страна была почти безлюдная, люди из экипажа начали убеждать Магеллана либо увеличить рационы, либо вернуться домой, тем более что не оставалось никакой надежды на отыскание края этой страны или какого-нибудь пролива. Но Магеллан отвечал на это, что либо он погибнет, либо выполнит свой обет; что путешествие, которое надлежит ему совершить, он совершает по королевскому повелению; что он будет плыть до тех пор, пока не отыщет страны или какого-нибудь пролива, который непременно должен существовать; а что касается продовольствия, то им не на что жаловаться: ведь в этой бухте обилие вкусной рыбы, пресной воды, птиц и топлива, в хлебе и вине недостатка у них нет и хватит надолго, если только они будут соблюдать меру в потреблении. В числе других доводов он увещевал и убеждал их не утрачивать доблестного духа, который кастильцы обнаруживали и продолжают обнаруживать повседневно в предприятиях еще более значительных. Наряду с этим он обещал им королевские награды.

1 апреля, в Вербное воскресенье, Магеллан пригласил всех капитанов, помощников их и пилотов отслужить на берегу мессу, после чего пообедать у него на корабле. Альваро де Мескита, Антонио де Кока и все остальные съехали на берег. Но не сошли на берег Луис де Мендоса, Гаспар де Кесада и Хуан де Картахена (последний находился под арестом и наблюдением Кесада).

В эту ночь Гаспар де Кесада и Хуан де Картахена явились вместе с 30 вооруженными с корабля «Консепсьон» на корабль «Сан-Антонио», и Кесада потребовал, чтобы капитан, Альваро де Мескита, покорился ему. Он велел матросам схватить его, как они уже это сделали на «Консепсьоне» и «Виктории». Он сказал, что им уже известно, как с ними обращался и обращается Магеллан только за то, что они потребовали от него выполнения

королевских приказов. Они сказали еще, что все они погибшие люди и что должно еще раз предъявить Магеллану требования, а в случае если он откажется выполнить их, надо будет его арестовать. Штурман «Сан-Антонио», Хуан де Элорьяга, выступил в защиту своего капитана, а Альваро де Мескита, обращаясь к Гаспару де Кесада, заявил: «Я прошу вас именем Господа Бога и короля нашего дон Карлоса отправиться на свой корабль, теперь не время ходить по кораблям в сопровождении вооруженных людей. Равным образом прошу вас освободить нашего капитана». На это Кесада ответил: «Разве мы откажемся от исполнения нашего долга по милости этого сумасшедшего?»-и с этими словами нанес ему четыре удара обнаженным кинжалом в руку, чем навел большой страх на присутствующих. Мескита был арестован, Картахена отправился на корабль «Консепсьон», а Кесада остался на «Сан-Антонио». Таким образом Кесада, Картахена и Мендоса стали хозяевами на кораблях «Сан-Антонио», «Консепсьон» и «Виктория».

После этого они послали сообщить Магеллану, что в их распоряжении находятся три корабля и малые суда всех пяти кораблей, и потребовали от него исполнения королевских приказов. Они поступили так, объясняли они, дабы в дальнейшем он не мог так дурно обращаться с ними, как раньше. Если он обещает исполнять королевские постановления, они будут подчиняться его руководству, при этом прибавили, что, если до сей поры они относились к нему как к старшему, отныне они будут относиться к нему, как к своему господину, и будут оказывать ему еще большее уважение.

Магеллан послал им сказать, чтобы они прибыли к нему на корабль, где ему удобнее будет выслушать их и сделать все возможное. В ответ они заявили, что не осмеливаются явиться к нему, раз он дурно к ним относится, но предлагают

ему прийти на «Сан-Антонио», где все они посовещаются вместе насчет того, о чем гласят королевские приказы.

Магеллан решил, что смелость и решительность в подобных случаях более эффективны, чем мягкость, и решил применить силу и хитрость одновременно. Он взял на свой корабль лодку, которая служила для переговоров «Сан-Антонио», и велел алгуасилу Гонсало Гомесу де Эспиносе скрытным образом отправиться на ялике к кораблю «Виктория», взяв с собою шесть вооруженных людей и письмо к казначею Луису де Мендосе, в котором просил его явиться на флагманский корабль. Пока казначей читал, улыбаясь, это письмо, как будто бы думая при этом: «Этим вы меня не возьмете», Эспиноса вонзил ему кинжал в горло, и в это же время другой матрос ударил его в голову, так что он тут же упал замертво. Магеллан, будучи человеком дальновидным, послал лодку с 15 вооруженными людьми под начальством Дуарте Барбоза, резервиста с корабля «Тринидад», и тот, вступив на борт «Виктории», поднял паруса, причем ему не было оказано никакого сопротивления. Это случилось 2 апреля. «Виктория» подошла ближе к флагманскому кораблю, и оба корабля вместе тотчас же подошли к «Сантьяго».

На следующий день Кесада и Картахена попытались выступить на кораблях «Сан-Антонио» и «Консепсьон» в море, но им надо было пройти мимо флагманского корабля, который стоял у выхода. На «Сан-Антонио» подняли два якоря, но так как один якорь был ненадежный, то Кесада решил освободить Альваро де Мескиту, который содержался под арестом на его корабле, и отправить его к Магеллану на предмет ведения мирных переговоров. Мескита, однако, заявил, что из этого ничего путного не выйдет. Наконец они порешили на том, что, когда они двинутся в путь, Мескита выступит вперед, когда они будут проходить поблизости от флагманского корабля, и попросит Магеллана не стрелять и

заявит ему, что они намерены остановиться, в случае если переговоры дадут благоприятные результаты.

Не успели поднять паруса на «Сан-Антонио» (была ночь, и весь экипаж спал), как корабль сорвался с якоря и столкнулся носом к носу с флагманским кораблем. С последнего дали несколько выстрелов из пушек и ружей, и матросы повыскочили на палубу, крича: «Вы за кого?», и в ответ им кричали е «Сан-Антонио»: «За короля нашего суверена и за вашу милость»-и сдались Магеллану. Последний велел арестовать Кесаду, счетовода Антонио де Кока и других резервистов, которые перешли к Кесаде на «Сан-Антонио». После этого он послал на «Консепсьон» за Хуаном де Картахена и арестовал его вместе с другими.

На следующий день Магеллан приказал перенести тело Мендосы на берег и четвертовать его, объявляя при этом, что он-предатель. Затем он велел казнить Гаспара де Кесада путем отсечения головы и четвертования с объявлением о нем того же. Казнь эта была выполнена его приверженцем и резервистом Луисом де Молино, который таким образом спас себя самого от повешения, ибо такой приговор уже был над ним произнесен. Магеллан приговорил также Хуана де Картахена и священника Педро Санчеса де ла Рейна, возбуждавшего матросов к мятежу, к оставлению в этой стране. Он простил более 40 человек, которые заслуживали смерти, так как они нужны были для судовых работ, а равно не желая возбуждать недовольства суровыми наказаниями.

32 «После этого,-отмечает Бриту,-они зимовали там три месяца. Магеллан приказал «Сантьяго» отправиться в дальнейшие поиски. Корабль потерпел крушение, но вся команда спаслась».

33 Альбо отмечает в шканцевом журнале: «Мы покинули это место [порт Сан-Хулиан] 24-го этого месяца [августа] и шли

вдоль берега между юго-западом и западом. Пройдя 30 лиг, мы нашли реку, названную Санта-Крус, в которую вступили 26-го того же месяца. Мы стояли там до дня св. Луки, то есть до 18 октября. Мы наловили там много рыбы, запаслись топливом и водой. Берег этот тянется между северо-западом и югом и юго-западом и западом. Это превосходный берег с прекрасными выемками».

Наваррете пишет, что Магеллан дал здесь соответствующие распоряжения своим капитанам, «заявив им, что он будет следовать этими берегами, пока не найдет пролива или не достигнет края этого континента, хотя бы ему даже пришлось дойти до широты в 75°, и что после этого он отправился на поиски Молукки на восток и восток-северо-восток по курсу мыс Доброй Надежды и остров Св. Лаврентия».

34 Это место во французской рукописи изложено так: «Упомянутый пролив представляет собою сферическую площадь, окруженную горами, и большинство моряков считало, что оттуда нет никакого выхода в упомянутое Тихое море. Но капитан-генерал объявил, что тут существует другой пролив, который отсюда выходит, и что он это знает хорошо, так как видел его на морской карте у короля португальского. Эта карта была составлена знаменитым моряком и кормчим по имени Мартин де Беме. Капитан отправил вперед два корабля, «Сан-Антонио» и «Консепсьон», с целью исследования и открытия выхода из упомянутого пролива, который был назван мысом Байя».

Мартин де Бегайм (1459-1506) был торговцем сукнами во Фландрии в 1477-1479 гг., после чего прибыл в Лиссабон, где познакомился с Колумбом. В 1484 г. он участвовал в должности картографа в экспедиции Диего Кама в Западную Африку. Побывав после этого на Азорских островах, вернулся в 1491 г. в Германию, где по заказу своих сограждан построил огромный глобус, основанный на данных Птолемея, Страбона

и др. В 1493 г. вернулся в Лиссабон. Вокруг его имени создалось много легенд. Говорили, будто он был в Америке до Колумба и открыл Магелланов пролив до Магеллана.

35 Вероятно, бухта Ломас.

36 Стефан Гомес (правильнее Иштеван Гомиш) был опытным португальским мореплавателем и пилотом не менее честолюбивым, чем его родственник Магеллан. Его дезертирство с флота имело место в первой половине ноября, и причину этого следует, вероятно, искать в том, что Магеллан относился к нему не с той почтительностью, которой он добивался. Вместе с Херонимо Герра, нотариусом, который был избран капитаном «Сан-Антонио», он участвовал в заговоре и после ареста Альваро де Мескита вернулся в Испанию, став на якорь в Севилье 6 мая 1521 г. Там он был подвергнут тюремному заключению после возвращения «Виктории», но был выпущен на свободу.

37 Мыс Пилар.

38 Жуан Серран-брат близкого друга Магеллана Франсишку Серрана и стойкий защитник великого мореплавателя. Пигафетта ошибочно называет его испанцем, хотя, быть может, он и натурализовался в Испании, так как в списках числится уроженцем Севильи.

Он был опытным мореплавателем и капитаном и служил под командованием Васко де Гама, Алмейды и Албукерки. Во второе свое плавание (1502-1503) Васко да Гама назначил его капитаном корабля «Помпоза», построенного в Мозамбике, где он налаживал португальские дела. Во время этого путешествия он впервые увидел побережье Бразилии, так как флот Васко да Гама прежде, чем обогнуть мыс Доброй Надежды, направился к бразильскому побережью, вдоль которого они шли вплоть до мыса Св. Августина. Он

отправился с Магелланом в качестве капитана и кормчего «Сантьяго», но после крушения этого корабля получил командование кораблем «Консепсьон», на котором он потом исследовал пролив. После смерти Магеллана он стал вместе с Дуарте Барбоза во главе его флота и был убит на острове Себу (см. примеч. 72 к «Путешествию Магеллана).

39 Остров Св. Магдалины.

40 Один из Карловых островов.

41 В Патагонии растут разнообразные виды сельдерея и ценятся там очень высоко.

42 Наваррете приводит из записей одного из современников фразу Магеллана, которую он произнес на совещании, созванном для решения вопроса о дальнейшем курсе. Он заявил, что хотя бы ему пришлось питаться коровьей кожей с нока, он будет продолжать открытия, раз он обещал это императору.

43 Это была цинга. Наваррете, основываясь на сохранившемся в Главном архиве Индий документе, пишет, что от цинги только по пути от пролива до Разбойничьих (Марианских) островов умерло 11 человек.

44 Эти два острова были, вероятно, Пука-пука (остров Гонден) из группы Туамоту, расположенной под 14°45' ю. ш. и 138°48' з. д., и остров Флинт из группы Манихики, расположенной под 11° 20' ю. ш. и 151° 48' з. д.

45 Магеллановы облачности и созвездие Южного Креста.

46 Сипангу-это Япония, а Сумбдит-Прадит, возможно, Антильский остров. В Европе впервые узнали о Японии в конце XIII в. через Марко Поло, которому в Китае рассказывали баснословные легенды о богатствах Сипангу.

47 Первый остров, открытый ими здесь, был Гуам.

48 Так называл бананы А. Пигафетта.

49 Небольшие быстроходные лодки на веслах, которыми пользовались в венецианских озерах во время охоты.

50 Сулуан-небольшой остров к юго-востоку от Самара. Население его принадлежит к племени висайя.

51 Этот остров теперь называется Хомонхон. Он расположен юго-восточнее ближайшей оконечности Самара.

52 Архипелаг назывался также «Безопасной долиной». Название Филиппин было присвоено этому архипелагу лишь в 1542 г. Вильяловосом.

53 Возможно, что это птица джунглей, которая в больших количествах приручается на Филиппинах для скрещивания с домашней птицей.

54 Нет возможности определить с точностью названия и местоположение этих островов.

55 Раб-толмач Энрике де Малака.

56 Остров Суматра.

57 Церемония кровного побратимства. «Каси-каси»-значит «задушевные друзья». Обычай кровного побратимства был широко распространен среди индейских племен.

58 Компас в несовершенной форме был известен китайцам еще до нашей эры и впервые вошел в практику мореплавания в III или IV в. до н. э., может быть и ранее. В Европе он был введен, вероятно, арабами, которые узнали о нем от китайцев. Впервые в европейской литературе он упоминается в XII в. в книге Александра Неккама «De utensilibus».

59 Острова Лейте, Себу и Минданао.

60 Кватгрино-итальянская медная монета.

61 Доппьоне-золотая монета, чеканившаяся Людовиком XII во времяосады им Милана (1500-1512).

62 Возможно, название монеты того же периода.

63 Бетель.

64 Острова: Лейте, Бохоль, Канигао, северная часть Дейте и, возможно, Апит или Гимукитан.

Альбо рассказывает: «Мы оставили Масаву и направились на север к острову Сейлон, потом прошли вдоль берегов этого острова на северо-восток расстояние в 10 лиг. Там мы увидели три скалистых острова и, повернув назад и пройдя около 10 лиг, наткнулись на два островка. Мы постояли там ночь, а утром прошли на юго-юго-запад около 12 лиг 10 1/2 градусов. В этом пункте мы вступили в канал между двумя островами, один из которых называется Мактан, а другой-Субу. Субу, равно как острова Масава и Сулуан, тянутся между севером и востоком и между югом и западом. Между Субу и Сейлани мы заметили весьма возвышенную область на северной стороне под названием Байбай. Говорили, что на ней находятся огромные количества золота и что она весьма богата продовольствием и столь обширна, что конца-краю ей нет. От Масавы, Сейлани и Субу по пути на юг море изобиловало мелями, и по этой причине каноэ, бывшее нашим проводником, отказалось от дальнейшего следования. От устья канала Субу и Мактана мы повернули на запад и достигли города Субу. Тут мы бросили якорь и стали на отдых, а жители дали нам рису, проса и мяса. Мы стояли тут долгое время».

65 Острова Камотес: Поро, Пасихаян и Пансон.

66 Моллюск, водится на Филиппинах, его раковина употребляется для хранения ладана или в качестве сосуда для питья. Внутри она белая, меж тем как ее внешняя сторона вся в пятнах бледно-желтого цвета. Она походит на перламутр, но имеет гораздо большее распространение.

67 Во французской рукописи это место гласит так: «Капитан-генерал отказывался брать слишком большое количество золота, дабы матросы не продавали свою долю слишком дешево, поскольку они были алчны к золоту, и дабы вследствие этого он не был сам вынужден поступать точно так же и со своими товарами; он хотел продать их по возможно более высокой цене».

68 Магеллан клялся своей одеждой, то есть платьем особой формы, присвоенной членам ордена Сантьяго.